ПИОНЕР

7349

П 29
34

2

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда" 1935 г.

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 2

Январь. 1935

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ.
Адрес ред.: ул. Горького, 8. Тел. 5-60-76.

Партия в боях

Работает Уралмаш, готов Беломорско-Балтийский канал. Строится в Москве Дворец советов — дом, вершина которого поднимется за облака. Растут новые города, орошаются пустыни, выводят новые породы животных. Советские люди летят в стратосферу, проходят новые морские пути в северных морях.

Это идут работы второй пятилетки — пятилетки построения социализма.

Партия добилась своих побед в бою с оружием в руках против белых генералов, помещиков и капиталистов и в постоянной борьбе со всеми, кто пытался повести партию по неверному пути.

История нашей страны знает позорные имена людей — трусов и предателей, которые в самые решающие минуты наших боев предавали партию и рабочий класс.

Среди этих имен, рядом с именем предателя и контрреволюционера Троцкого стоят имена Зиновьева и Каменева.

Когда в октябре 1917 г. Центральный комитет партии решил поднять восстание, он держал это решение втайне от буржуазии. Зиновьев и Каменев не только голосовали против восстания, против Ленина и Сталина, но еще и выдали это решение буржуазии. Ленин тогда писал про них:

«В том-то и состоит безмерная подлость, настоящее изменничество этих лиц, что они перед капиталистами выдали план стачечников».

Когда партия и рабочий класс несмотря на это предательство завоевали власть, двое изменников настаивали на том, чтобы разделить эту власть с меньшевиками и эсерами — прямыми помощниками буржуазии.

Прошло 7 лет. Советская страна отбилась от белогвардейцев, восстановила хозяйство, разрушенное войной; несмотря на трудности партия повела страну к социализму. Но перед новыми трудностями снова попятились старые предатели:

— Нет, нельзя в нашей стране построить социализм! Не выйдет дело!

Партия не послушала Зиновьева. Еще тесней об'единилась она вокруг Центрального комитета, руководимого т. Сталиным.

А Зиновьев, который только вчера вместе с партией бил Троцкого и троцкистов, на другой день в злобе против партии вместе с троцкистами выступил против ЦК. Партия наша сильна своим единством — Зиновьев старается его разрушить. Вместе с Троцким он устраивает подпольные собрания и демонстрации против партии. Мы разгромили Троцкого, выбросили его из Советской страны. Зиновьев и Каменев притворились, что признали свои ошибки, потом снова пытались бороться против партии, потом снова каялись и снова предавали революцию.

А в Ленинграде, где Зиновьев когда-то яростно боролся с партией, от тех времен притаилось гнездо его выкормышей. Многие годы они копили злобу против партии. Многие годы, притворившись ее сторонниками, связавшись с такими же двурушниками и предателями в Москве, они ждали, когда можно будет снова поднять свое оплеванное и опозоренное антипартийное знамя. И не дождались. Партия победила, а горсточка бессильных и злобных людей даже не осмеливалась пойти к рабочим, потому что знала, какой отпор бы им дали пролетарии города Ленина.

В Москве и Ленинграде они организовали подпольные контрреволюционные группы. Ими руководил Зиновьев, который на словах клялся в верности партии, а на деле стоял во главе этих предателей.

Отчаявшись в том, что они когда-нибудь привлекут на свою сторону рабочий класс, изменники, воспитанные трусами и преда-

(Продолжение на 3-й стр. обложки)

11.515
39

Сергей Костриков.

Сережа Костриков

Что нужнее всего?—Смерть Кононова.—Знамя спасено!—Черная сотня.—Оружия не сдавать!—Пожар.

Г.П.Б. в Лит.
Ц. 1935 г.
№ 25

Что нужнее всего?

В Казани в начале июня 1904 г. из ремесленного училища шумно вышла толпа веселых парней. Они только что получили свидетельства об окончании училища и чувствовали себя победителями. Да, кончить школу—не шутка! Теперь они совсем уже взрослые. И странно: вот все они столько лет сидели за партами, жили одной ребячьей жизнью, а закрылась школьная дверь—и жизнь как-то разом рассыпалась сотней дорог. Теперь разбредутся кто куда. Кто служить, кто учиться.

— А ты, Сережа, что думаешь делать?

— Что делать?—ответил широкоплечий и темноволосый юноша Сережа Костриков.—Не знаю.

— Тебе, с твоими способностями, надо было бы дальше учиться. Из тебя вышел бы хороший инженер или профессор механики.

— Ха! Может быть. Только для моего профессорства еще время не пришло. Я буду тем, чем буду, и что сейчас нужнее всего.

Ну, Сережа любит чудить! Его загадочный ответ ребята пропустили мимо ушей. На перекрестке бывшие школьники распрощались и пошли всяк своей дорогой. Они не знали, что Сережа был тогда в партии.

У Сережи Кострикова все не как у людей. Вот сейчас его товарищи придут домой и с гордостью вынут свидетельства. Родители, конечно, обрадуются. Свидетельства в рамках на стенах повесят, а ему и порадовать-то некого. Нет у него никого! Он бездомный сирота! Здесь он живет в скверной меблированной комнатенке, а в Уржуме, на родине, он жил тоже не дома, в сиротском приюте.

Да, здесь нечего делать. Да и в Уржум возвращаться уже незачем. Будь деньги, он уехал бы учиться в Москву, в Петербург. Да сунься туда! «Хорош Питер, да бока повытер». Деньги, где их взять? Да и примут ли еще? Ведь он окончил не гимназию и не реальное училище. Впрочем, говорят, в Сибири, в Томске, жизнь очень дешовая. Там в Технологический институт принимают даже неучей-семинаристов. Все бедняки, говорят, едут учиться именно в Томск. А не махнуть ли и ему туда?

Осенью 1904 г. Сережа Костриков уехал в Томск. В институт его не приняли. Но он не привык унывать и поступил на высшие образовательные курсы, чтобы потом перейти в институт. Он принялся было за математику, физику, химию, но тут наступило такое, что уже не до ученья.

Сережа бросил ученье и взялся за «самое нужное»—за партийную работу. В партию он вступил еще в Казани.

Томск в то время был административным центром и едва ли не самым культурным городом Сибири. В Томске было два первых в Сибири высших учебных заведения: университет и Технологический институт. Несколько гимназий, семинарий, коммерческое, техническое и реальное училища. Были в нем небольшие заводы и фабрики, несколько типографий и много торговых предприятий. Но рабочих в Томске было немного, зато много было купцов, чиновников, учителей, профессоров, студентов и курсисток. Томск в те годы был по преимуществу городом сибирской интеллигенции.

Осенью 1904 г., когда Сережа Костриков приехал в Томск, томский комитет Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) переживал тяжелое время. Еще весной почти всех руководителей комитета арестовала полиция и упрятала в тюрьму. А когда их выпускали, то тотчас же высылали из Томска, или же за ними так зорко следила полиция, что им уже нельзя было руководить работой комитета. Комитетом руководило всего два человека.

Комитету нужны были кадры революционных работников. Для этого комитет организовал подкомитет из революционной молодежи. Самыми молодыми в подко-

митете были Сережа Костриков и типографский рабочий Иосиф Кононов. Очень скоро они подружились. Подружила их молодость, общая партийная работа, глубокая вера в победу революции. Они жили неподалеку друг от друга, часто сходились вместе, читали книги и вели самые задушевные беседы.

У каждого подкомитетчика своя работа. Сережа Костриков руководил группой, которая печатала на гектографе прокламации и воззвания, а в начале 1905 г. ему поручили работу по созыву митингов и агитационных собраний.

Это начало 1905 г. как раз ознаменовалось кровавым событием: 9 января в Петербурге рабочие пошли ко дворцу за царской милостью, царь приказал солдатам стрелять в толпу.

Расстрел безоружных рабочих всколыхнул всю революционную Россию. Начались забастовки, демонстрации. В ответ на предательский расстрел рабочих томский комитет партии решил организовать вооруженную демонстрацию и назначил ее на 18 января.

Партийцы стали усиленно готовиться к демонстрации. Сереже Кострикову с Кононовым поручили организовать боевые дружины, вооружить их на конспиративной квартире и разработать план демонстрации.

Смерть Кононова

18 января, в 9 часов утра, на Почтамтскую улицу, к зданию почты, стал сходиться народ: рабочие, студенты, курсистки, дружинники. И сейчас же вдоль тротуаров шпалерами вытянулись городовые. В 10 часов по сигналу демонстранты с тротуаров ринулись на мостовую и встали колонной. Городовые бросились было их разгонять, но вооруженные дружинники уже выстроились по бокам и впереди колонны.

Иосиф Кононов поднял красное знамя с лозунгом «Долой самодержавие!», демонстранты запели «Марсельезу» и двинулись по главной улице. Рядом, по обеим сторонам, хмуро зашагали полицейские с револьверами.

Потом демонстранты свернули в улицу направо к пассажу Второва и тут увидели, что навстречу им с горы рысью скачут казаки. Офицер что-то скомандовал, и на солнце ярко блеснули казацкие шашки. Демонстранты подпустили их поближе и по команде «Огонь!» выстрелили. Такого отпора казаки не ожидали. Первые ряды разом повернули коней, наскочили на задних, и все сбились в какую-то кашу. Некоторые попадали с коней, и все пустились наутек. Но тут с двух сторон по демонстрантам открыли огонь городовые. Теперь уже демонстранты пришли в замешательство: они оказались окруженными со всех сторон. Сзади полиция преградила дорогу пожарными бочками, а справа преградили улицу усиленные наряды городовых. И тут в толпу демонстрантов врезались казаки. Они уже оправились от смятения. Началось жестокое избиение. Где было дружинникам сопротивляться: их было мало, да и дрянные их револьверишки не пробивали даже казацких полушубков.

Полиция и казаки убили троих, а избили и ранили около 200 человек. Пострадал и Сережа Костриков. Его избили, и когда он, спасаясь от озверевших казаков, перелезал через забор, какой-то усач-городовой своей тупой селедкой * рассек ему пальто на спине и руками оторвал одну полу.

А где Кононов? Подкомитетчики, собравшись после побоища, его не досчитались. Все очень любили Кононова: такой верный товарищ, преданный делу, и какой весельчак, мастер попеть, поплясать на рабочих вечеринках! Семнадцать лет парню. Больше всех тревожился Сережа Костриков — друг Кононова.

Знамя спасено!

И вот в 5 часов дня к комитетчикам пришел городской врач Грацианов: он не был партийным, но делу сочувствовал. Он сказал:

— Кононов убит.

— Убит?!

Да, он только что по долгу службы был на месте побоища. Осматривал убитых и раненых. Нашел Кононова, расстегнул пальто, чтобы пощупать сердце. Сердце уже не билось, но на груди у него в пальто в боковом кармане он нашел красное знамя. Он скорей застегнул пальто и приказал труп Кононова отвезти в университетскую клинику, в покойницкую.

— Так оно цело! Как же оно попало к нему в карман?

Этого никто не знал. Может быть, он сам, когда наскочили казаки, быстро сорвал с древка знамя и сунул в карман, а может быть, это из демонстрантов кто-нибудь сделал и сунул убитому.

— Так его надо достать,—сказал Сережа,—нельзя, чтобы знамя—честь революции,—под которым погиб Иосиф, попало в руки мерзавцам.

— Но как его достать? Пойти в клинику? Опасно. Могут арестовать.

— Знаете что?—предложил кто-то.—Лучше всего пойти туда кому-нибудь из девиц. Придет и скажет, что жениха убили. Разжалобит, ее впустят в покойницкую, она и вынет знамя.

— Нет, я сам достану, — сказал Костриков. — Скажите, где эта ваша покойницкая?

Грацианов подробно рассказал ему местоположение, как пройти к покойницкой и где найти сторожа.

— Дайте взятку сторожу, и он вас впустит в покойницкую.

Ночью Сережа Костриков вместе с молодым парнем-рабочим перелезли через каменную ограду в университетский сад, отыскали покойницкую — темный, мрачный домишко, стоявший на отшибе. На двери висел тяжелый замок, в окнах—железные решотки. Сережа попробовал сломать решотку, но она и не погнулась. Сломать замок было тоже мудрено. Пошли к старику-сторожу. Он служил при покойницкой с самого основания университета и очень любил студентов. Начали его убеждать пустить их в покойницкую.

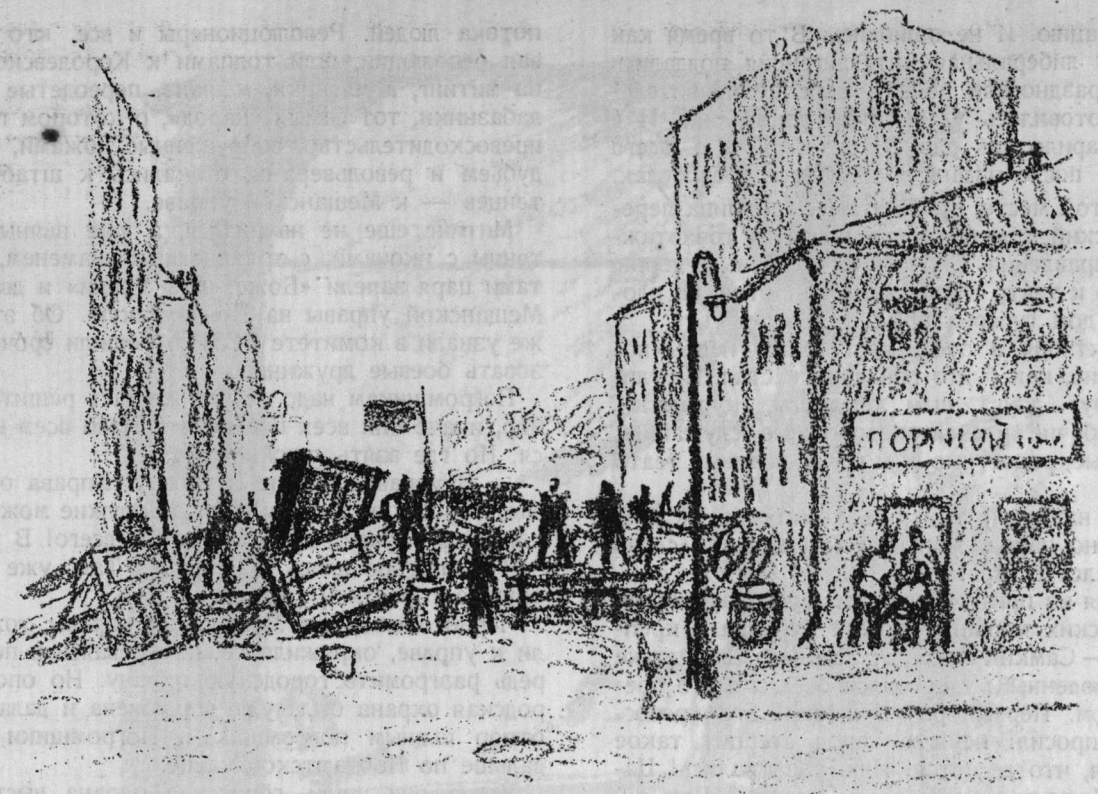
— Да вам зачем?

— А у нас брат-студент пропал. Должно быть, на демонстрации убили. Мать ревет: «Ступай,—говорит,—ищи Петьку!» Не попал ли он сюда к вам?

— Студент, говоришь, был? Ну ладно, пойдем.

---

* Селедкой в насмешку называли полицейскую шашку.



На улицах строили баррикады.

Старик открыл покойницкую. В покойницкой тьма. Парень-рабочий, сопровождавший Сережу, вдруг испугался покойников и ни за что не хотел войти. Сережа один вошел, отыскал труп Кононова и вынул из кармана покойного друга окровавленное знамя.

И это знамя развевалось потом, 26 января, когда хоронили Иосифа Кононова и громадная толпа демонстрантов с пением революционных песен шла за гробом юноши-революционера; развевалось оно и 14 июня на монастырском кладбище, над тысячной толпой, собравшейся на открытие памятника Кононову.

Томский комитет очень дорожил этим знаменем, бережно хранил его в течение нескольких лет, и оно развевалось на многих демонстрациях.

Смерть друга и зверства полиции потрясли Сережу. А тут еще меньшевистская часть в комитете РСДРП после избиения 18 января стала говорить, что вооруженные демонстрации ни к чему. Время, дескать, не пришло, надо ждать, когда, как во время Французской революции, народ захватит арсеналы, вооружится, за народом пойдут и войска, и тогда... Все это Сережу возмущало. Да разве само по себе придет это время? И доколе же его ждать? Зачем и во имя чего же тогда погиб Иосиф Кононов?

— Нет, — горячо возражал он, — революция вплотную подошла к вооруженным восстаниям. Пролетариат с оружием в руках должен свергнуть царское правительство и взять власть в свои руки.

— С каким это оружием?—смеялись меньшевики.—С четырьмя патронами и с револьвером «лефаше» никого не свергнешь.

— А вы сегодня видели, как казаки-то закрутились от наших лефаше? Были бы все на демонстрации вооружены, не так бы это кончилось.

В апреле на партийной конференции сибирских делегатов резко встали разногласия меньшевиков с большевиками. Сережа Костриков был поражен тем, что за большевистскую резолюцию о вооруженном восстании голосовало всего... 4 делегата.

Все лето 1905 г. революционное движение в Томске росло все больше и больше. Почти ежедневно за городом происходили митинги. Шли беспрерывные забастовки. Аресты прекратились. Полиция притихла, и в городе запахло относительной свободой. В томском комитете прошли перевыборы. В состав нового комитета был избран и Сережа Костриков.

Он горячо взялся руководить революционной работой.

В то время Сережа Костриков был до крайности застенчив и скромен. На митингах, когда меньшевики потрясали толпу красноречием, он упорно молчал и говорил только тогда, когда уже было совершенно необходимо. Слава оратора его не прельщала нисколько. И не слова он любил, а дело.

И как только началось это дело, так сейчас же как-то сами собой проявились редкие свойства Сережи: его смелость, упорство, его необыкновенная находчивость, изобретательный ум и темперамент настоящего бойца-революционера.

Черная сотня

Революция росла и устрашала правительство. 13 октября в Петербурге образовался первый «Совет рабочих депутатов» — орган революционной власти. И вот отдельные забастовки слились во всеобщую забастовку. Остановились железные дороги, телеграф и почта.

Царь испугался и 17 октября издал «высочайший» манифест, которым «всемилостивейше» обещал своим подданным свободу слова, собраний, свободу совести и множество всяких «свобод». Это был явный обман нада. Этим манифестом царское правительство хотело расстроить ряды революции. Отчасти это и удалось. Либеральная интеллигенция обрадовалась: «Конституция!» — и успокоилась.

Но большевики и рабочие приняли манифест как

хитрую провокацию. И не ошиблись. В то время как меньшевики и либеральная интеллигенция поддались на удочку и праздновали победу, царское правительство спешно готовилось ударить по революции. И в Томске оно ударило как раз 20 октября, т. е. всего три дня спустя после издания манифеста о свободах.

В Томске, в том месте, где Почтамтская улица пересекает Московский тракт, стояло когда-то трехэтажное здание Управления Сибирских железных дорог. Рядом телеграф и театр Королева, а напротив, на площади, собор и дом губернатора.

Утром 20 октября в этом месте было необыкновенное оживление, как будто праздник настал. По улице, обгоняя друг друга, шли студенты, курсистки, гимназисты, рабочие и железнодорожные служащие; все возбужденные, радостные шли в Королевский театр на митинг.

Митинг был назначен томским комитетом РСДРП в 3 часа дня, но народ, жаждавший услышать слово свободы, собирался с утра.

В то же время из притихшего дома губернатора вышел вождь томских мещан — дюжий купчина с крепкой фамилией — Самкин-Косицын. У него вид тоже был весьма оживленный: удостоился беседы с его превосходительством. Первый раз в жизни! Его превосходительство спросил: неужто народ стерпит такое вот? Гляди, мол, что делается! Ишь разыгрались! Царю-то эти свободы-то, думаешь, по сердцу? Вон он, батюшка, и надеется, что сердца русских людей загорятся и не допустят, грудью станут. Сам народ. Понял?

— Войска? Не войска, а народ, сам народ возмутился, сам народ пошел против безбожников, бунтарей и смутьянов — за бога, царя и отечество. Они с револьверами? Ну, конечно, войска вступятся за народ, ну уж это понятно, и пешие и конные. Городовые, говоришь, без дела? Можно и городовых пустить; конечно, в штатском. А что? Они разве не народ? Поди, тоже возмущены. Ну, понял? Так и не теряй времени.

Через некоторое время в городе образовалось два потока людей. Революционеры и все, кто сочувствовал революции, шли толпами к Королевскому театру на митинг, а мясники, мещане, переодетые городовые, лабазники, тот самый «народ», о котором говорил его превосходительство, вооруженные ножами, кастетами, дубьем и револьверами, стекались к штабу черносотенцев — к Мещанской управе.

Митинг еще не начинался, а уже пьяные черносотенцы с иконами, с трехцветным знаменем, с портретами царя запели «Боже, царя храни» и двинулись от Мещанской управы на Почтамтскую. Об этом сейчас же узнали в комитете РСДРП. Решили срочно мобилизовать боевые дружины.

Погромщикам надо сейчас же дать решительный отпор, иначе они всех перережут. Надо всем вооружиться. Но где взять оружие?

— В управу! Идемте в управу! Управа организовывает городскую охрану! Сейчас оружие можно достать только в управе. Оружие прежде всего! В управу!

Толпой бросились в управу. Там уже раздавали оружие городской охране.

Черносотенцы от Мещанской управы тоже подошли к управе, окружили ее, намереваясь в первую очередь разгромить городскую охрану. Но опоздали: городская охрана была уже вооружена и дала жестокий отпор пьяным погромщикам. Погромщики двинулись дальше по Почтамтской улице.

Когда они ушли, городская охрана выстроилась в боевом порядке, и тут вдруг оказалось, что у этой армии нет полководца. Так нельзя! Кого-то надо же выбрать. Да вон солдата в папахе! Он, говорят, портартурец. С японцами дрался! Пусть он и будет начальником.

На папаху портартурца повязали повязку с красной надписью «Городская охрана». Поставили его во главе дружины. Вся дружина повязала такие же повязки на рукава и с красным знаменем двинулась по Почтамтской в погоню за погромщиками. И тотчас же наткнулась на трупы двух известных в Томске общественных деятелей. Их уже успели зарезать мясники-черносотенцы.

Оружия не сдавать!

Погромщики были далеко впереди. Они уже побывали у дома архиепископа Макария и получили от него благословение на избиение безбожников — студентов и евреев. Благословясь, двинулись к театру, окружили, ворвались внутрь и принялись было избивать и уродовать людей. Как вдруг увидели: к театру в боевом порядке идет городская охрана. Струхнули и стали выпрыгивать из окон на улицу. И вот черная сотня с револьверами, с кастетами, дубьем и ножами столкнулась лицом к лицу с городской охраной. Впереди стояли переодетые городовые с казенными револьверами.

Дружинники стали было уговаривать их разойтись, но они как звери бросились с дубьем на дружинников. Кто-то из погромщиков выстрелил и ранил студента-дружинника. Тогда дружинники, став на колено, открыли стрельбу: трусливый сброд бросился врассыпную.

Дружинники торжествовали, но недолго. Прежде всего оказалось, что портартурец в папахе вдруг исчез неизвестно куда. Дружина опять без начальника. Дружинники заволновались. Что это значит? И кого же теперь выбирать?

— Спокойно, товарищи! Хладнокровие прежде всего! — кричал студент гигантского роста по фамилии Нордвик. Он не был близок к революционным кругам и усердно занимался своей медициной, но, когда выступили погромщики, он как честный человек с браунингом в руке встал в ряды городской охраны.

— Спокойно, товарищи! — кричал он, и сам был очень спокоен и тверд. Спокойствие и гигантский рост его как-то разом бросились в глаза. Дружинники выбрали его своим командиром и пошли по опустевшей Почтамтской. Навстречу им скакали казаки. Увидев дружинников, казаки остановились, спешились и открыли из винтовок стрельбу по дружинникам. А за оградой, возле собора, уже расположилась пехота. Не хватало только пушек. Что делать?

Невооруженные люди, пришедшие на митинг в театр, спасаясь от пуль, бросились в Управление Сибирской дороги. Вскоре и дружинники под натиском казаков и черносотенцев отступили туда же, в Управление. В Управлении набилось около тысячи человек.

Все невооруженные столпились на третьем этаже. Дружинники заняли коридор 2-го этажа и забаррикадировали двери тяжелыми шкафами. А нижний этаж, самый опасный при обстреле, остался пустым. Снаружи это трехэтажное здание плотным кольцом окружили войска и черная сотня.

Он вскинул револьвер и выстрелил.

Близился вечер. К Управлению прискакали начальник жандармского управления и губернатор и начали переговоры с дружиной. Они об'явили, что выпустят всех, если дружинники сложат оружие.

Дружинники заколебались. В самом деле, не сложить ли оружие? Ведь другого исхода как будто и нет. Разве может устоять небольшая кучка людей с револьверами против регулярных войск? Конечно, на слова жандарма полагаться нельзя... а вдруг не надует?

Нордвик, начальник дружины, согласен был сдать сейчас же оружие, и вся дружина склонялась к тому же, как вдруг с площадки лестницы раздался звонкий голос Сережи Кострикова, который до сих пор был как-то совсем незаметен.

— Не верьте, товарищи! Все это подлая провокация! Если сдадите оружие, вы все погибнете.

Он говорил это с такой убежденностью, с такой твердой решимостью защищаться с оружием в руках до конца, что слова его сильно подействовали. Дружинники об'явили губернатору, что они сдадут оружие только в том случае, если уберут войска. Губернатор не согласился.

Два инженера Управления Сибирской дороги, поверив словам губернатора, решили выйти из засады и сдать оружие. Но едва они показались на улице, как на них набросились мясники и лабазники. Одного из них растерзали. Другому прострелили ногу, и он, истекая кровью, бросился обратно к дружинникам.

— Видите, что они делают! — закричал Сережа Костриков. — Вот как они держат свое слово! Если они убивают своих людей — инженеров, то что же они сделают с вами — с рабочими?

Теперь осажденные поняли, что Сережа Костриков прав, что обещания губернатора — пустая провокация и надо до конца защищаться с оружием в руках. И вот Сережа Костриков, скромный и застенчивый юноша, проявивший в решительный момент такую ясность ума и твердость характера, как-то вдруг вырос в глазах дружинников и заслонил собой гигантскую фигуру Нордвика. Дружинники как-то невольно стали прислушиваться к голосу Кострикова.

Пожар

На дворе стемнело. Уже 8 часов. Дружинники волнуются. Еще больше волнуются на третьем этаже безоружные люди. А на улице черносотенцы притащили из театра и нижнего этажа Управления мебель, сломали ее, развели костры и начали бросать пылающие головни в окна первого этажа. И вот в первом этаже начался пожар. Черносотенцы ликовали и гикали: «Ага! Влопались, голубчики, зажарим как баранину!»

Скоро горячий удушливый дым повалил во второй и третий этажи. Заметался народ. Многие в панике бросились через парадный ход на улицу. Некоторые стали выбрасываться из окон. Войска тотчас же по ним открыли стрельбу. Кого пулями не скосили казаки, тех дубинами добивали погромщики. Народ метнулся обратно. От дома губернатора пригнали еще сотню казаков, и начался обстрел всего здания. Застрекотали пули по каменным стенам, зазвенели разбитые окна. Дружинники в коридоре второго этажа задыхались в дыму.

Пламя, вырываясь из окон нижнего этажа, врыва-

лось уже в разбитые окна второго и третьего этажей. Толпа, видя пламя в окнах, с криком и воплем с третьего этажа бросилась вниз—во второй. В коридоре, где были дружинники, разом стало так тесно, что нельзя было отодвинуть шкаф, которым была забаррикадирована дверь на черный ход. Какой-то силач сразмаху двинул плечом и выломал стену шкафа. Сквозь эту щель в шкафу, в которую можно было пролезть только боком, народ бросился к выходу. Тут было много женщин — гимназисток, курсисток. Их в панике начали было оттеснять от двери более сильные мужчины.

— Товарищи дружинники!—закричал Костриков.— Задерживайте мужчин и пропускайте в первую очередь женщин!

И вот дружинники принялись наводить порядок. За шиворот оттаскивали от шкафа трусливых мужчин и пропускали женщин.

За женщинами, наконец, стали выходить и мужчины. Сережа Костриков вышел на площадку черной лестницы, подошел к окну, чтобы подышать свежим воздухом, и вдруг увидел, что по узкому проходу, между Управлением и театром, бегут погромщики с дубинами к черному ходу, чтобы расправиться с выбегающим из горящего здания народом. Сережа стоял как раз у окна над черным ходом. Он вскинул револьвер и выстрелил. Погромщик ахнул, бросил полено и метнулся назад наутек. И как только появлялся какой-нибудь озверевший лабазник с дубиной, или горящим поленом, или с револьвером в руках, Сережа тотчас пускал в него меткую пулю. Так он, пользуясь теснотой прохода, один сдерживал погромщиков, которые с гиком рвались к черному ходу.

Но вот толпа выбегающих поредела и скрылась за театром. Сережа Костриков спрыгнул с подоконника и пошел вниз.

Дружинник столяр Герасим Шпилев последним вышел из коридора сквозь щель в шкафу и застучал сапогами по лестнице. На лестнице, окутанной удушливым дымом, он обогнал кого-то и сбежал к двери черного хода, распахнутой настежь. Он сразмаху сунулся в нее, наткнулся на обледенелую водовозную бочку, которой черносотенцы загородили выход, и упал. И тотчас же с ужасом увидел, что какой-то рыжебородый верзила, ярко освещенный пожаром, бежит к нему с дубиной. Сейчас хватит по голове — и смерть! Но вдруг за спиной раздался выстрел. Рыжебородый покачнулся и выронил дубину. Герасим Шпилев вскочил и оглянулся. За ним стоял Сережа Костриков с револьвером в руке.

Во дворе театра стоял навес, под которым хранились груды старых декораций. Дружинники и часть спасшихся от пожара людей спрятались здесь, в декорациях, а часть забилась в подвальное помещение телеграфа. Но это убежище оказалось ненадежным. Пожар перекинулся на театр, каждую минуту пламя могло охватить и навес с декорациями. Начальник дружины Нордвик предложил выбраться из кольца казаков и черносотенцев через забор возле сберегательной кассы, стоявшей рядом с театром, и полез было на каменную ограду, но за оградой увидел солдат со штыками и вернулся назад. Что делать? Как выбраться из этого кольца?

— Надо сбиться в одну кучу, в один крепкий кулак, — сказал Сережа Костриков, — и разом всем броситься, прорвать цепь и по Московскому тракту— за Исток.

И вот по команде Кострикова «Раз, два, три!» толпа в несколько сот человек плотной массой ринулась по узкому проходу между театром и сберегательной кассой на улицу. Поджидавшие погромщики преградили улицу, но, увидев толпу, смело бегущую прямо на них, расступились. Кольцо лопнуло.

Толпа побежала по Московскому тракту к Истоку: впереди безоружные, а сзади дружинники. За толпой в погоню пустились казаки. За ними с дубьем, ножами и револьверами затопала толпа черносотенцев. Начались перестрелка, резня. Погибло много дружинников и сотни безоружных людей. Убили Нордвика и так его изувечили, что потом близкие друзья смогли узнать его труп только по штанине.

Черносотенцы громили город три дня: квартиры студентов, евреев. И даже дом либерального городского головы растащили по бревнам. Вот вам за ваше самоуправление! И теперь не только большевикам, но и всем стало ясно, кому и какие свободы даровал царь Николай своим «высочайшим манифестом от 17 октября 1905 года». Чтобы оградить себя от этих свобод, от погромов черной сотни, большевики томского комитета РСДРП организовали свою боевую дружину. Рабочие, студенты-технологи делали бомбы, комитетчики добывали оружие. Каждое воскресенье дружинники уходили за город, обучались стрельбе и метанию бомб. Некоторое время им удавалось держать в узде черную сотню. Но черная сотня, т. е. организованные правительством погромщики, полиция и войска, конечно, не переставала работать. Правительство душило революцию.

■ ■ ■

С. М. Киров в 1907 г.

Неуловимая типография

Проект Сережи Кострикова.—Роют подземелье.—Сигнализация и тайный ход.—Где же типография?—Тюремный журнал.—Неожиданный обвал.—„Тот был из простых-с“.

Проект Сережи Кострикова

После революции 1905 г. Сибирь подверглась жестокому разгрому. Карательные экспедиции двух генералов—Ренненкампфа и Меллер-Закомельского — расстреливали и вешали революционеров: рабочих и студентов. Не было самого захолустного городка, где бы тюрьмы не были переполнены политическими заключенными. Жандармы и полиция брали на заметку всех участников революционных восстаний и за малейший пустяк карали тюрьмой, ссылкой и каторгой. Черная сотня торжествовала. А революция уходила в подполье. Кончились митинги, прошли времена, когда можно было открыто говорить на собраниях. Настало тяжелое время, требовавшее уже новых способов борьбы с царским правительством. Почти в каждом городе снова появились конспиративные[1] квартиры. Появились подпольные типографии, в которых печатались воззвания и прокламации, призывавшие трудящихся к борьбе с царским правительством и буржуазией.

Сережа Костриков был большим мастером по организации таких тайных типографий. Он умел подыскать где-нибудь на окраине такой домишко для типографии, который ничем не отличался от соседних домов и не вызывал никаких подозрений ни у соседей, ни у полиции. Но несмотря на все предосторожности полиция все-таки вынюхивала эти типографии и всех, кого заставала в них, посылала в вечную ссылку или на каторгу. В те годы нужны были большая решимость и твердость характера, чтобы идти на работу в тайную типографию.

В Томске в течение короткого времени все подпольные типографии были раскрыты полицией одна за другой. Тогда Сережа Костриков задумал сделать такую типографию, какую никак и никаким способом не смогла бы обнаружить полиция. Сережа был человеком очень изобретательным, любителем всяческих хитрых механик. Еще в Казани, когда он учился в ремесленном училище, он смастерил из какого-то металлического хлама настоящий электромотор. Для него не было таких вещей и таких механизмов, которые он не мог бы починить или сделать. Он любил математику, физику, химию и, наверное, был бы хорошим инженером, если бы не отдал всего себя революции.

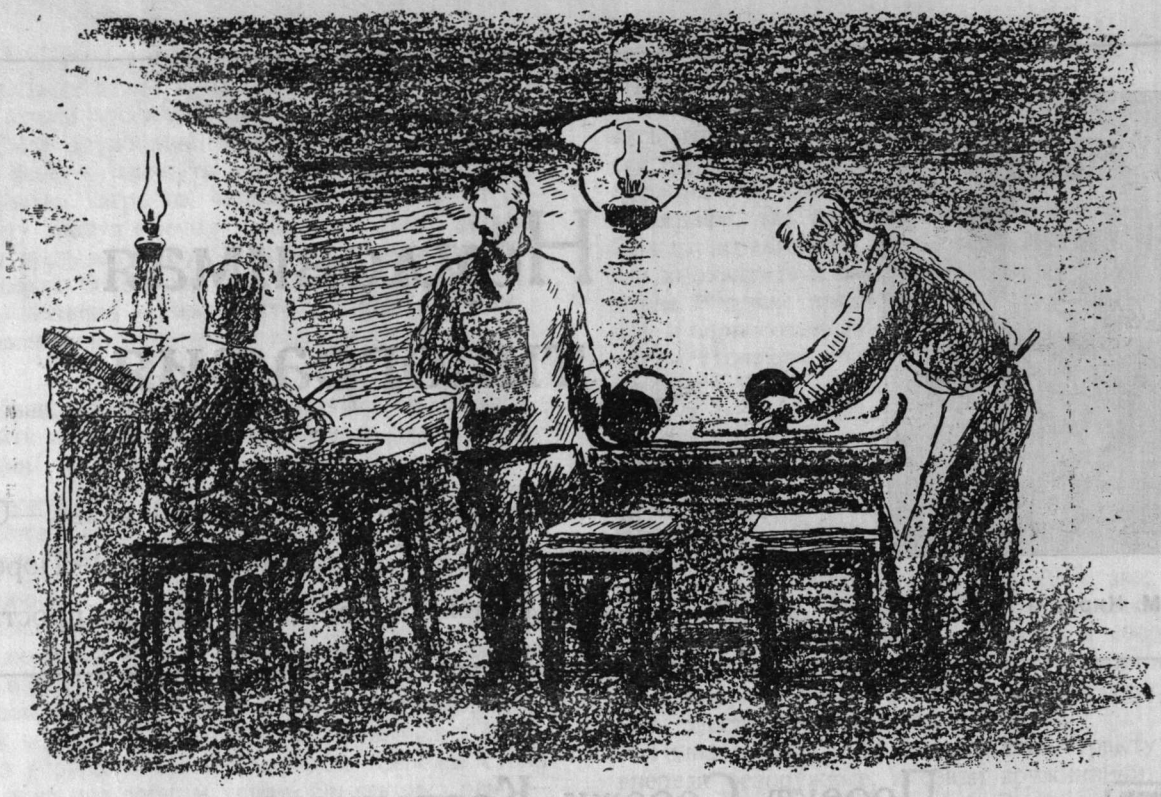
И вот, замыслив необыкновенную подпольную типографию, Сережа весной 1906 г. представил в комитет партии проект типографии. Комитет одобрил, отпустил деньги и дал Сереже Кострикову в помощь троих наиболее стойких, но таких же юных товарищей, каким он был сам: Михаила Попова, Герасима Шпилева и Егора Решетова. Сережа стал подыскивать дом для типографии.

Врач Грацианов жил на окраине города в собственном доме с большим садом. На задах сада, на Апполинариевской улице, одиноко стоял деревянный двухэтажный домишко с небольшим двором, с конюшней и погребом. Хозяин дома, какой-то мещанин, продавал его очень недорого, и дом этот был как раз очень удобен для тайной типографии. Он стоял на отшибе, в тихой улице и в хорошем соседстве.

Комитет дал деньги врачу Грацианову, с тем чтобы он купил этот дом как бы для себя и сдал его в аренду Газиной. Под этой фамилией скрывалась в Томске старая партийная работница, бежавшая из ссылки, А. А. Кузнецова.

Грацианов купил дом и сдал в аренду. Дом состоял из трех квартир. В верхнем этаже была одна квартира из трех комнат с кухней, а в нижнем — две квартиры по одной комнате с кухнями. По плану Сережи Кострикова, под домом надо было вырыть большой подвал для тайной типографии и заселить дом особенным образом. В верхней квартире надо было поселить небольшую семью, в 2 — 3 человека, которая была бы

[1] Конспиративная квартира — тайная, скрытая от полиции квартира.



В подпольной типографии.

известна полиции. как самая благонадежная и не вызывала бы никаких подозрений. В самой квартире не должно было быть ничего такого, что могло бы скомпрометировать жильцов в случае обыска. В нижнем этаже, в квартире с окнами на улицу, надо было поселить такую же семью, но эта семья должна была держать связь с партийным комитетом, доставлять в типографию бумагу и выносить из типографии уже напечатанные прокламации.

Наконец, в третьей квартире, с окнами во двор, надо было поселить какую-нибудь одинокую женщину из тех незаметных существ, каких часто встречаешь на улице, взглянешь, пройдешь и сейчас же забудешь. В этой квартире должен был быть такой хитрый ход в подполье, чтобы и сам чорт не мог его обнаружить. В этой же квартире — уже тайно, без прописки в полиции,—должны были жить и сами работники подпольной типографии.

Роют подземелье

В середине мая рано утром в этот дом пришли четверо бравых рабочих с топорами и лопатами и под видом ремонта принялись за осуществление плана.

Вскрыли полы в нижнем этаже и стали рыть подвал.

Этим делом занялись трое: Сережа Костриков, Михаил Попов и Герасим Шпилев, а четвертый — Егор Решетов — занялся подвозкой кирпичей, бревен и досок для стен, столбов и потолков.

Землекопам предстояла большая работа. Надо было вырыть подземелье в 12 метров длины, в 6 метров ширины и в 5 метров глубины, т. е. выбросить во двор около 20 тыс. пудов земли — целую гору. Такая гора сразу могла провалить все дело. Она могла вызвать любопытство любого прохожего. Что это за гора? Откуда она? Подвал роют? А зачем такой подвал? Картошку ссыпать? Да зачем же такой громадный? Нет, тут что-то не так! И пойдут разговоры до самой полиции. Ну да подпольщики тоже не лыком ведь шиты! Они разравнивали землю по всему двору и засевали овсом, который быстро разрастался пушистым газоном.

Подпольщики жили очень замкнуто и никуда не выходили. Только Решетов, наименее известный полиции, путешествовал по городу, сносился с комитетом, бегал в трактир за обедом, да в лавочку по соседству за всякой мелочью. С раннего вечера заваливались спать на сеновал и вставали вместе с солнцем.

Сережа очень ловко выбрасывал через голову в окно землю лопатой, но с непривычки очень скоро набил себе кровавые мозоли. Иногда всю ночь не мог заснуть от боли. Сидит на сеновале и покачивается, чтобы унять проклятую боль.

Товарищи уговаривали его переменить работу, заняться вместе с Решетовым плотничным делом, но Сережа знал, что земляные работы—самые важные и самые спешные, и наотрез отказался. Он обмотал руки разорванной рубахой, надел кожаные рукавицы и продолжал работать наравне с Герасимом Шпилевым, специалистом по земляным работам.

Через месяц подвал был вырыт. Однажды к землекопам пришла Газина, мнимая хозяйка дома, как бы для расчета с рабочими и для осмотра работ. День был воскресный — праздник. А в праздники подпольщики никогда не работали, чтобы соседи не заинтересовались, почему это рабочие работают в праздники? И что это за рабочие такие? С чего это у них такое усердие? И вот мнимая хозяйка и мнимые рабочие

стояли в доме у окна и радовались, что вот уже скоро и делу конец. Как вдруг послышался шум, дом дрогнул и поехал вниз. Что такое? Все растерялись. Не растерялся только Сережа Костриков, который в опасные моменты всегда отличался какой-то особенной находчивостью. Быстро смекнув, что это обвалилась земля в подвале и дом оседает, он сбежал вниз, во двор, схватил толстую плаху и подпер ею бревенчатый дом. Вслед за Сережей выбежали и другие товарищи и укрепили плахами стены.

Три дня потом подпольщики выбрасывали из подполья обвалившуюся землю и с помощью домкратов поднимали осевший угол. После этого работа пошла быстро.

Сигнализация и тайный ход

В подвале установили большую чугунную печь, поставили столы, стулья, два реала, наборные кассы и самодельный печатный станок. Потом настелили потолок, навалили на него целый метр земли, утрамбовали ее, чтобы ни звука не доносилось из подполья, поверх земли настелили пол первого этажа — и все было готово. Оставалось придумать сигнализацию и тайный ход. И то и другое опять-таки придумал хитрый механик Сережа Костриков.

Прежде всего решили ворота держать всегда на запоре, а во дворе посадить на цепь пса, чтобы он лаял, как только брякнет в калитку чужой. Но этого мало. В подвале устроили электрический звонок, провода от него провели под штукатуркой в прихожую верхнего этажа и соединили с металлической вешалкой. Если повесить на вешалку пальто или шапку, так тотчас же в подземелье, внизу, начнет дребезжать звонок, извещая подпольщиков о том, что пришел незнакомый. А знакомые все знали, что на вешалку никаких вещей вешать не полагается: не для того она сделана. Кроме того по телеграфной азбуке с помощью коротких и долгих нажимов на вешалку можно было передать подпольщикам со второго этажа все, что угодно.

— Ха-ха-ха! — смеялся всегда веселый и жизнерадостный Сережа. — Вот приходит к нам пристав с городовыми, входят наверх с обыском — и хлоп картуз на вешалку! И сам же, дурак, дает знать: держи, мол, ухо востро!

Труднее всего было сделать тайный вход в подполье, и сделали его вот как. В обеих квартирах нижнего этажа были вырыты совершенно одинаковые погреба-подполья, в какие обычно ставят крынки с молоком, бочки с кислой капустой и всякой всячиной. В подполье той квартиры, где должна была жить одинокая жилица, одна стена была сделана ввиде огромного ящика, туго набитого землей. Ящик этот двигался на роликах в сторону подземелья. Когда вход в типографию был закрыт, так никто и предположить не мог, что в этом погребе таится какой-то секрет: обыкновенный погреб со стенами, обшитыми досками. Но стоило только знающему человеку вынуть в углу подполья из столба сучок, сунуть в него особый ключ и толкнуть эту стену-ящик, как она откатывалась на роликах и открывался вход в подпольную типографию.

Типография уже могла приступить к работе. Оставалось только отремонтировать верхнюю квартиру и поселить жильцов. И тут вдруг все круто изменилось.

Где же типография?

Однажды темной ночью Попов и Костриков шли по улице и увидели две темных фигуры. Фигуры покрутились около дома Грацианова и перепрыгнули через забор в сад. Думая, что это просто жулики, Попов и Костриков решили поймать их. Они прибежали к себе домой, перелезли через забор в сад Грацианова, обыскали его вдоль и поперек, но ничего не нашли. Пошли к Грацианову и сказали ему об этом.

Грацианов всполошился, спустил с цепи собак, вместе с кучером и сторожем обыскал весь сад и тоже никого не нашел. Во время поисков горничная Грацианова с особенной настойчивостью уверяла, что это пустая тревога, что не было никого. Если бы кто перелез через забор, так она первая услышала бы.

Когда Грацианов рассказал об этом подпольщикам, они сейчас же догадались, что эти темные люди — не жулики, а сыщики из охранки и горничная Грацианова, наверное, работает вместе с ними.

Прошла ночь. На утро подпольщики ремонтировали верхний этаж. Вечером к ним пришел товарищ, только что приехавший из Питера. Они проговорили с ним всю ночь. А в 5 часов утра вдруг раздался грохот на весь дом: кто-то стучал в дверь. Они посмотрели в окно и увидели, что их дом окружен жандармами, полицией и солдатами. Открыли дверь. В дом вошел пристав с полицией и начался обыск.

Обыск длился весь день. Пристав вызвал саперов. Саперы по всему двору рыли ямы, разрыли погреб, вскрыли полы в доме, взрыли землю на целый аршин и не нашли не только типографии, но даже и малейших следов ее. Полицейские были в бешенстве. Они точно знали, что в этом доме где-то есть тайная типография, рыщут, а найти не могут. Подпольщики торжествовали и смело могли гордиться своей искусной работой.

Их арестовали и под усиленным конвоем полиции отправили в тюрьму. А в доме устроили засаду. И снова три дня искали, рыли, выстукивали стены, и снова ничего не нашли.

Костриков, Шпилев и Попов просидели в тюрьме девять месяцев. Их часто таскали в жандармское управление и нудно допрашивали, где типография. Но они твердо отвечали, что не знают никакой типографии, никогда этим делом не занимались. И не унывали.

Тюремный журнал

Они даже в тюрьме умудрились организовать подпольную типографию и печатать журнал «Тюрьма». Как же это им удалось? В тюрьме была аптека и был зубной врач, который сочувствовал революции. Через этого-то врача неунывающие узники достали желатин, глицерин и всякую всячину и тайно в аптеке на спиртовке сварили состав для гектографа. На этом гектографе они и печатали журнал со статьями, фельетона-

Арест подпольщиков.

ми и тюремной хроникой. Журнал через уголовных передавали за стены тюрьмы, в город.

Студенты Томского университета, получив этот журнал, решили продавать его у себя в университете в пользу политических заключенных. А в университете в то время учился — не действительным студентом, а вольнослушателем — помощник начальника тюрьмы. Он, ничего не подозревая, купил однажды журнал и остолбенел. Что такое? У них в тюрьме печатается крамольный журнал? А они и не подозревают? Сунул журнал в карман, побежал к начальнику тюрьмы и доложил ему обо всем.

В ту же ночь в камеры политических заключенных явился начальник с толпой надзирателей.

— Где у вас гектограф?

— Какой гектограф?

— Что-о? А на чем вы, такие-сякие, печатаете вот этот гнусный журналишко? — кричал он, размахивая журналом.

Подпольные издатели молчали и посмеивались. Начался обыск. Всех заключенных перегнали в одном белье в барак, а в их камерах перетрясли все матрацы, подушки, облазили все щели и дыры — и ничего не нашли.

А гектограф и журналы хранились в уборной. Там была печь. Подпольщики, вынув кирпич под самым потолком, засовывали в дыру на потолок гектограф и бумагу, потом вкладывали кирпич и затирали швы мелом.

Заключенные много читали, организовали рабочие кружки и пели песни, а когда до тошноты надоедала камера с клопами и вонью параши, они иногда ходили в церковь подышать духами расфранченных жен и дочерей тюремного начальства. В церкви можно было тишком поговорить с товарищами из других камер и передать через уголовных записку друзьям на волю.

Однажды Костриков, Шпилев и Попов вместе с другими политическими заключенными под конвоем надзирателей пошли в церковь. Пришли, стали парами неподалеку от надушенных тюремных дам, отделенных от заключенных барьером и цепью надзирателей, и начали по обыкновению перешептываться. Тощий попик, услышав это, решил сказать проповедь о безбожии крамольников.

— Вы думаете, они богу пришли молиться? — говорил он, тряся бородой и тыча пальцем в подпольщиков. — Это крамольники! Это безбожники!..

И вдруг среди церковной тишины раздался звонкий тенор Сережи Кострикова: «Отречемся от старого мира!»

Старый рабочий Иванов подхватил «Марсельезу» густым басом, а за ним и все политические. Надзиратели, ошеломленные такой дерзостью, бросились к ним и оттеснили их из церкви на паперть, вызвали конвойных солдат и с их помощью развели заключенных по камерам. После этого безбожников уже не пускали в церковь, но и тощий попик, проученный Костриковым, уже не решался произносить черносотенные проповеди.

Через 9 месяцев жандармское управление, так и не сумевшее открыть тайную типографию, «за неимением улик» освободило из тюрьмы Шпилева и Попова, а Кострикову припомнило его прежние «дела»: его отдали под суд. Суд приговорил Кострикова к трем годам крепости.

Неожиданный обвал

В марте 1909 г. Костриков вышел из крепости. Партийная организация в Томске к этому времени была разгромлена. Прежние друзья и соратники по борьбе с царским правительством разбрелись по Руси кто куда. Попов отбывал ссылку в глуши Тобольской губернии, Шпилев был на Дальнем Востоке. Одних повесили, другие бежали заграницу.

Костриков не мог оставаться в Томске: его знали все шпики. В надежде наладить прежние связи он уехал в Иркутск, где рабочих всегда было больше чем в Томске и где большевистская организация была многочисленней и крепче.

Но не прожил он в Иркутске и двух месяцев, как в Томске полиция совсем неожиданно открыла тайную типографию на Апполинариевской улице и стала разыскивать Попова, Шпилева и Кострикова.

Но как же это ей удалось открыть то, что столько лет оставалось тайной? А вот как. После ареста подпольщиков полиция заселила дом с тайной типографией городовыми. Почти четыре года жили городовые и благодушно распивали чаи, не подозревая, что таится под ними. И как-то совсем уж забыли и о подпольщиках и об их типографии. Да и была ли она? Может быть, так только, фальшивые слухи? Ведь саперы искали — и те не нашли. Да скорей всего ее вовсе и не было.

Время шло. Балки в подполье все больше и больше подгнивали от сырости. И вот однажды городовой, живший в нижнем этаже, с ужасом почувствовал нечто вроде землетрясения. Что-то глухо ухнуло под полом. Пол зашатался. Рухнула печь, и весь дом пополз в преисподнюю. Городовой в панике выскочил во двор. Что такое? Господи Иисусе! Дом провалился? В какую-то яму! Да что же это за яма? Кто подрыл?

И городовой и все начальство так крепко забыли о подпольной типографии, что, когда городовой доложил о «случившемся случае», сначала решили, что это подполье вырыли не иначе как фальшивомонетчики. А их в Сибири в то время было очень много.

А все-таки что же это за подполье такое? Пригнали пожарных. Пожарные раскатали развалившийся домишко по бревнам и нашли в подполье столы, стулья, чугунную печку и какой-то станок. Ну да, это фальшивомонетчики! У них завсегда так! А это что же за штука? Какой-то вал. С виду немудрящий, а не подымешь, в нем, поди, пудов десять. Это зачем же? Фальшивомонетчикам это без надобности. Э-э, да уж не тайная ли это типография? Слухи-то, может, и правильные были. А позвать сюда заведующего городской типографией! Он это дело в точности знает. Пришел эксперт, заведующий типографией. Осмотрел и сказал, что вал хоть и самодельный, а типографский. И станок типографский. Значит, тут была когда-то типография.

„Тот был из простых-с“

Полиция тотчас же дала знать по телеграфу в Тобольск, в Иркутск и на Дальний Восток. Попова и Шпилева арестовали, привезли в Томск и судили за организацию тайной типографии, а Кострикова в Иркутске не нашли. Он как только услышал, что в Томске провалился дом с типографией, сейчас же уехал на другой конец России, во Владикавказ, и там под фамилией Кирова поступил на работу в редакцию газеты «Терек».

Хорошо зарабатывая, он обзавелся хорошим костюмом, пальто, шляпой, был уже заправским журналистом и тайно занимался большевистской партийной работой.

Томская полиция его искала три года, наконец, напала на след, арестовала и привезла из Владикавказа в Томск—судить. На первых же допросах, когда жандармы пред'явили ему обвинение в том, что он, Сергей Миронович Костриков, в 1906 г. совместно с Поповым, Шпилевым и Решетовым организовал в Томске подпольную типографию, он категорически заявил, что в Томске он никогда не бывал, а следовательно, и понятия не имеет, о какой такой типографии идет речь. Его предали суду. Но и на суде он настойчиво утверждал, что в Томске он никогда не был.

— Так вы не признаетесь? Нет? Хорошо-с! Позвать сюда свидетеля! Сейчас мы установим вашу личность...

В зал суда, звеня шпорами, вошел пристав Ляшков — тот самый, который когда-то в 5 часов утра арестовал Кострикова, Попова и Шпилева в доме на Апполинариевской улице. «Ну, завалит, подлец!»

Пристав уставился на Кирова, чисто выбритого, отлично одетого и со шляпой в руке, и как-то сразу увял.

— Ну, тот? — спросил его судья. — Вы арестовывали этого человека?

Пристав тупо таращил глаза на Кирова, а Киров с насмешливой улыбкой смотрел на него.

— Не-нет! Не тот-с. Тот был из простых-с...

Пристав не узнал в Кирове Кострикова. И немудрено! Шесть лет назад, когда он арестовывал Кострикова, тот был в грязной косоворотке с расстегнутым воротом, в грязных штанах, небритый, а теперь перед ним стоял настоящий джентльмен, журналист Киров.

Суд освободил Кирова. Киров вернулся во Владикавказ и снова принялся за партийную работу.

Впоследствии, рассказывая друзьям о том, как не узнал его пристав, Киров весело хохотал и говорил:

— А все-таки этот болван по-честному признался, что я — не я и он никогда меня не видел.

■ ■ ■

С. М. Киров в годы гражданской войны.

На берегах Терека

Двадцать восемь народов.—Против общего врага.—С белым платком—под выстрелы.

Двадцать восемь народов

Что за река Терек!

Когда глядишь на нее в Дарьяльском ущелье, то так и кажется, что течет там не холодная горная вода, а прямо кипяток — не суй туда руку, ошпаришь. До того тут река взбаламучена, до того шумлива! Вода бежит по каменистому дну и на бегу бросается на каменные гряды, скалится на берег, вся взлохмаченная, напряженная, стремительная, и не суйся вброд переходить такую реку, не гляди лучше в горную воду: она закружит тебе голову, опрокинет и с яростью начнет бросать, бить о каменья.

Какова река, таков и народ, живущий по этой реке: народ беспокойный, настороженный. Их двадцать восемь разных народов насчитывали по Тереку, и каждый народ бурлил по-своему, каждый готов был опрокинуть и разбить всякого, кто сунется.

Сто лет назад двинулись войска русского царя на завоевание Кавказа. Горцы защищались до последнего, но не устояли против пушек и обученного регулярного войска. Кровью залил русский царь аулы и селения.

Царское правительство отняло у терских народов лучшие земли и поселило на них казаков, а осетин, ингушей, чеченцев загнало в горы на дикие скалы. Так «белый царь» покорял кавказские народы.

Если бы эти народы столковались да двинулись бы разом на общего врага... Ох, уж и была б работа! Горячая работа! Этого-то и не хотело царское правительство: оно натравливало осетин на ингушей, балкарцев на кабардинцев. Для постоянного присмотра за чеченцами да кабардинцами на Тереке правительство поселило казаков. Они так и назывались: Терское войско. Казаков поддерживали при случае войска из центра России. У них были пушки, а против пушек горцы не могли устоять. Приходилось отступать, затаив ненависть. И каждый горский народ ненавидел терских казаков, каждый поодиночке: когда же тут броситься на общего врага, коли между собой еще не поладили?

В семнадцатом году, после революции, оружия в аулах стало как в арсенале. Все там было: и винтовки, и пулеметы, даже пушки.

Оружия много. Старых счетов еще больше. И начал их меж собой сводить бурливый народ на Тереке. Начались фронты. На войне научились драться посерьезному: нарыли окопов и сидят — станица против селения. Трещит перестрелка. Дрались главным образом против казаков и в то же время — между собой. Карту фронтов немыслимо было составить, чорт ногу сломит. Так и называли: слоеный пирог фронтов на Кавказе.

В Петрограде и Москве разговору никакого не было о национальной розни. Рабочие знали, что надо бить белых и защищать советскую власть. А в Терской области трудовой народ все еще не знал, где его настоящий враг.

А настоящий враг не спал и собирал свои силы. Казачьи генералы и офицеры формировали войско. К ним шли офицеры из осетин. Они подбирались один к одному, чтобы под командой белых генералов захватить власть на Тереке.

Киров с начала Февральской революции был на Тереке. Немного к тому времени там было большевиков, небольшие кучки: в Пятигорске, в Грозном, во Владикавказе, в Георгиевске.

Но это были боевые и решительные люди. Среди руководителей большевиков там был Серго Орджоникидзе, с ним в тесной дружбе работал Киров. Работали там такие люди, как Буачидзе и Маркус, их убили белые потом, в гражданской войне.

Киров делегатом от рабочих Владикавказа ездил в Петроград на Всероссийский с'езд советов. С оружием в руках он бился против юнкеров в Питере, в Октябрьские дни. Когда рабочие взяли власть в Петрограде и Москве, он вернулся на Терек.

Перед большевиками Терека стала задача — организовать в Терской области советскую власть.

Легко сказать: организовать! Двадцать восемь народов! Кипит драка. А большевиков немного, да и те кто—в Грозном, кто—в Пятигорске.

С начала 1918 г. по области собирались с'езды трудовых народностей. На с'езде в Пятигорске, который твердо вели большевики с Кировым во главе, делегаты об'явили себя властью трудового Терека. Выбрали народный совет и выделили Совнарком. Это была уже советская власть.

Столицей области был Владикавказ, и решил с'езд в полном составе двинуть в эту столицу, но это было не так просто: в столице офицерские сотни, которые, наверняка, без боя ее не уступят.

Против общего врага

Выходило, что ехать в свою столицу — значит, ехать воевать. Но к этому кавказцам не привыкать стать. Весь с'езд: чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы и русские — трудовые казаки — все шестьсот представителей трудового населения сели в вагоны, вывесили на поезде красные флаги. Свистнул кондуктор, ухнул паровоз, и с'езд двинулся к Владикавказу.

Поезд идет, на двадцать восемь километров от Пятигорска до Владикавказа стоят пикеты рабочих Курской и Молоканской слободок Владикавказа. Они охраняют с'езд.

Только приехали. Вышли в город. Сумерки. Из одного дома, на площади у вокзала, раздалось несколько выстрелов. Кто стрелял? Скорей всего казачьи офицеры. С'езд встретили рабочие слободок, и никто больше стрелять в делегатов не посмел.

С'езд заседал во Владикавказе, в кадетском корпусе. Корпус обнесен каменной стеной. Совет заседает в здании, а во дворе толпится народ—и все группами. Да уж по тому одному собираются группами, что не у всех один язык. И получилось, что стоят во дворе группы ингушей, группы чеченцев, осетин.

Заседает с'езд, в президиуме — Киров. Он не был председателем с'езда. Председателем был другой человек, но руководил все-таки Киров, и для этого ему совсем не надо было быть председателем с'езда, довольно было быть представителем партии, представителем Ленина на Тереке.

Члены с'езда заседают. Вдруг слышат шум, будто кричат, да не кричат, а вопят и мужчины и женщины, и все громче и громче.

Заседание прервалось, все бросились на крыльцо и видят, что огромная толпа народа запрудила двор, за воротами по дороге тянется еще народ. Люди кричат, машут кулаками, а вон и кинжалы. А впереди, у самого крыльца, стоит несколько арб, на арбах — голые трупы осетин. У всех отрезаны уши.

Нет хуже надругательства на Тереке, как отрезать у покойника уши. Такое надругательство никогда не прощается. Месть за это из роду в род, и нет пощады и прощения виновнику. А тут оскорбление нанесено всему осетинскому народу. Кто отрезал уши? Ингуши. Кто задумал устроить все это? Кто виноват в этих опозоренных трупах?

Кто это так ловко пригадал к заседанию с'езда? Ох, он бил без промаху: подвести эти арбы с'езду—это все равно, что сунуть головню в приготовленный костер.

Тут же стоят ингуши—члены с'езда. Все это видят, слышат. Побледнели, сбились в кучу, держат руки на рукоятках кинжалов.

Один миг — и все взорвется. Вот поднялся еще выше возмущенный рев, сейчас, сейчас...

Но тут перед этой ревущей толпой появился Киров.

Все затихли, будто перед ними появился почетный старик...

Неужели Киров в свои 32 года уже казался стариком? Нет! И не выглядел он стариком, и голос у него был молодой, сильный, и лицо молодое, веселое. Редко, редко вы найдете фотографию, на которой бы он не улыбался. Нет. Дело вот в чем. «Почетный старик»—звание на Кавказе. И в горных аулах оно не дается даром. Почетный старик выше любого муллы. Обычно это действительно старые люди, лет по 80—90, ходившие в Мекку, набравшиеся мусульманской мудрости. Появится такой старик на улице, его берут под руки, все кланяются ему и слушают его. Совет такого старика, все его решения выше решения суда. Не выполнить его совета—позор.

Впоследствии Киров часто бывал в аулах и заслужил там огромное уважение, горцы и дали ему это почетное звание, а с ним и все права на авторитет. Хоть годами Киров был еще молод, но слово его и тогда уже было велико.

И затихли на миг эти люди гор и замерли с руками на рукоятках кинжалов.

Киров поднял руку, чтобы его слушали.

— Кто сделал это гнусное дело?—спрашивает Киров.—Ингуши? Да, ингуши.

Ингуши напряглись и приготовились к защите.

— Да, ингуши,—повторил он.—Но какие ингуши? Эти ли вот, члены народного с'езда, представители народа ингушей, идущих вместе с вами навстречу вольной и трудовой жизни, или другие ингуши, слепые от старых обычаев, которым старый враг вложил в руки кинжал и послал убивать соседей и братьев?

— Выклевывать ли глаза друг другу должны горные орлы, слетевшиеся под одну кровлю для мирного совета, или соединиться в одну могучую стаю горных народов, чтобы отбиться от общего врага?

— Пусть народный совет поручит мне, человеку, которого вы знаете, и представителям народов, у которых нет с вами вражды, пойти на фронт и к воюющим ингушам и воюющим осетинам, остановить бои, взять представителей воюющих фронтов в совет — пусть с'езд народов рассудит, кто прав из них, кто виноват.

Женщины еще кричали и рвали на себе волосы, но мужчины вдруг утихли, кинжалы вошли в ножны, винтовки взяты на ремень, и сейчас же Киров и четыре члена с'езда: кабардинец, балкарец и еще двое нейтральных—пошли к воюющим селениям.

С белым платком—под выстрелы

Вышли из города, вот и селения. Слышат: стрельба. Подходят ближе, видят: линия окопов с одной стороны, линия—с другой. Все как полагается на большой войне. С одной стороны—ингуши, с другой—осетины.

Киров вынул из кармана белый платок и пошел открытым полем туда, где свистели пули. Он шел и махал платком. За ним—четыре члена с'езда.

Все знали: на Кавказе свято чтут свои военные обычаи, убивать парламентера—позор. Но в это горя-

С белым платком—под выстрелы.

чее время обычаи плохо соблюдались, и ходить между фронтами, хотя бы и с белым флагом, было делом опасным. Однако идти нужно было не из удали, а просто потому, что как иначе примирить воюющих? Киров пошел, не задумываясь. Он шел спокойно между линиями окопов, выстрелы стали реже, но не прекратились совсем. Пулей, пущеной кем-то, убило одного парламентера, нейтрального балкарца.

Киров подходил с осетинской линии к ингушам. Он забирался в окопы, говорил с осетинами. Так он ходил по фронту, пока не остановил боя. Теперь он добился, чтобы тут же выбрали делегатов, и этих делегатов от фронта он привел с собой в народный совет.

Так этот спокойный и веселый человек ходил под пулями мирить народы.

— Никогда, товарищи горцы,—говорил им на с'езде Киров,—никогда не было такой надежды на свободу горских народов, как теперь, в границах огромной Советской страны.

Слова «почетного старика» были написаны на знаменах, под которыми ингуши, осетины, кабардинцы, балкарцы, ногайцы, караногайцы—все двадцать восемь трудовых народов—дрались за советскую власть.

Так Киров примирил племена и направил их против общего врага, так выполнил поручение партии.

■ ■ ■

Сергей Миронович Киров—член Реввоенсовета 11-й

Член Реввоенсовета Одиннадцатой

В кольце фронтов.—В Астрахани тревожно.—Достать во что бы то ни стало.—Астрахань окружена.—В обход—на белых.—Член Реввоенсовета.—Таинственный корреспондент.—Воздушное бездорожье.—Где командарм?—Шайтаны прилетели.—Случай в бою.

В кольце фронтов

иров снова в Москве, в холодной, голодной Москве 1919 г.

Советская Россия — в кольце фронтов.

Под Питером Юденич, на юге Деникин, на севере англичане, на востоке Колчак. С Кавказа под натиском белых казаков к Астрахани по пескам пустыни отступает Одиннадцатая кавказская Красная армия.

Москва давно забыла, какое оно, мясо, на вкус, давно не видела сахара, а соль—редкая и дорогая приправа, хлеб—густой клейстер. Его выдают по осьмушке в день (осьмушка—если не забыли—это всего пятьдесят граммов). Красноармейцы на фронтах раздеты и разуты, а на дворе январь.

Главное теперь—фронт. Все силы фронту. На фронте Сталин, на фронте Ворошилов, Орджоникидзе, Фрунзе. Ленин, еще не оправившийся от пули эсерки Каплан, день и ночь руководит из Москвы обороной страны, заботится о хлебе, о картошке, о работе заводов, о борьбе против тифа и вшей, о школах, о больницах, об армейских сапогах и шинелях, о постройке первой электростанции.

С Кавказского фронта отходят по пескам пустыни Одиннадцатая и Двенадцатая армии—триста тысяч бойцов. Они катятся к Астрахани, разбитые белыми. Если их не остановить, их зажмут Деникин с запада, Колчак с востока и сбросят в Каспийское море, а там английские миноносцы.

Соединиться и сплошным фронтом драться против Советов—вот боевая задача белых. Взять Астрахань—открыть путь к бакинской нефти. Пока Астрахань у красных, они угрожают Баку. Отрезать флотом Астрахань с Волги, оставить без рыбы советские города—вот ближайшая цель. И белые двинули на Астрахань.

Одиннадцатая армия катилась к Астрахани голодная и раздетая, без денег, без транспорта. А перед Лениным стоит задача—Астрахань удержать. И не только удержать, а укрепить. И оттуда идти на Кавказ помочь бакинским рабочим прогнать белых и овладеть бакинской и грозненской нефтью. А там войска белых, и в Баку английский экспедиционный корпус. Самолеты, на море — военный флот.

И вот надо послать в Астрахань человека, на которого Ленин и партия могли бы положиться. И чтобы этот человек выполнил всю эту задачу: остановил армию, переформировал ее, одел, обул и двинул на освобождение Кавказа от белых.

Надо такого, чтобы знал Кавказ и чтобы его знали на Кавказе. Надо умного, с крепкой волей, чтобы не заныл, когда зажмет со всех сторон.

Ленин указывает на Кирова. Это—такой человек, какой нужен. Кирову дали с собой пять миллионов рублей.

Денег было очень много, и деньги были только царские. Зачем же они везли царские деньги? Советские деньги не везде еще шли. В прифронтовых и зафронтовых полосах на эти деньги можно было купить не только продовольствие для армии, фураж для лошадей, одежду, но даже винтовки, даже пулеметы. Так что выходило: Киров вез с собой ввиде радужных и желтых бумажек и оружие, и продовольствие, и фураж.

Кроме Кирова и еще пяти верных людей, никто не знал о том, что экспедиция везет деньги. Ехало с экспедицией еще сорок человек: шоферы, мотористы. Экспедицию отправили специальным поездом. Он весь был уставлен автомашинами, грузовыми и легковыми.

Перед отъездом все ответственные члены экспедиции собрались в кабинете у Якова Михайловича Свердлова, председателя ВЦИК. Говорили, как ехать, что делать по приезде. Свердлов говорил мало.

— Поезжайте,—сказал он.—У вас есть такой руководитель, как Киров, какие еще там указания вам нужны?

Ночью Киров и Бутягин привезли на извозчике три ящика с деньгами, и эшелон Кирова двинулся на Астрахань.

В Астрахани тревожно

Штаб в Астрахани. Армия—за пятьсот километров. С фронта вести все тревожнее. Получено радио от Серго Орджоникидзе: армия бежит, бежит по бездорожной степи.

Тревожно и в самом городе. Каждую ночь ждут выступлений кулацких банд, восстания кумыцких и калмыцких князей, астраханских казаков, белых эсеров. За два последние месяца было уже два восстания. С минуты на минуту ждут третьего.

В самом городе тиф, в каждом углу тифозный, все церкви забиты тифозными: на соломе, вповалку. Проснувшийся утром больной находит с собой рядом покойника. А тут надо было спешить на Кавказ, к армии. Все говорят: туда не пробьешься: армия отступает. Но Киров настойчив: не испытав сам, не верит. Экспедиция выгружается из вагонов, переезжает Волгу. А уже февраль, и это ведь Астрахань—юг. Лед на реке ненадежный. Однако переправились и выехали в степь.

Киров с Бутягиным и шофером, втроем, на полуторатонке. Там самый ценный груз, но никто о нем не знает. Три ящика стоят в автомобиле, на них пулемет, и тренога пулемета прибита к ящикам, по ноге к каждому ящику. Возьми с бою пулемет, лишь тогда возьмешь ящики с деньгами.

Выехали в степь. Проехали полпути. Нельзя дальше ехать: навстречу автомобилям и по дороге и прямо по степи, без дороги, бежит отступающая армия. На каждый десяток бойцов один тифозный. Дорога и степь усеяны трупами. Нельзя преодолеть эту лавину.

Повернули. Поехали другой дорогой, на Яндыки. Бегут навстречу—это с Кизляра на Яндыки. Снова повернули. Вот уже скоро Яндыки. На повороте опрокинуло машину. Один из ящиков оторвался, и ночью, чтобы никто не видел, Киров сам переколачивал этот ящик.

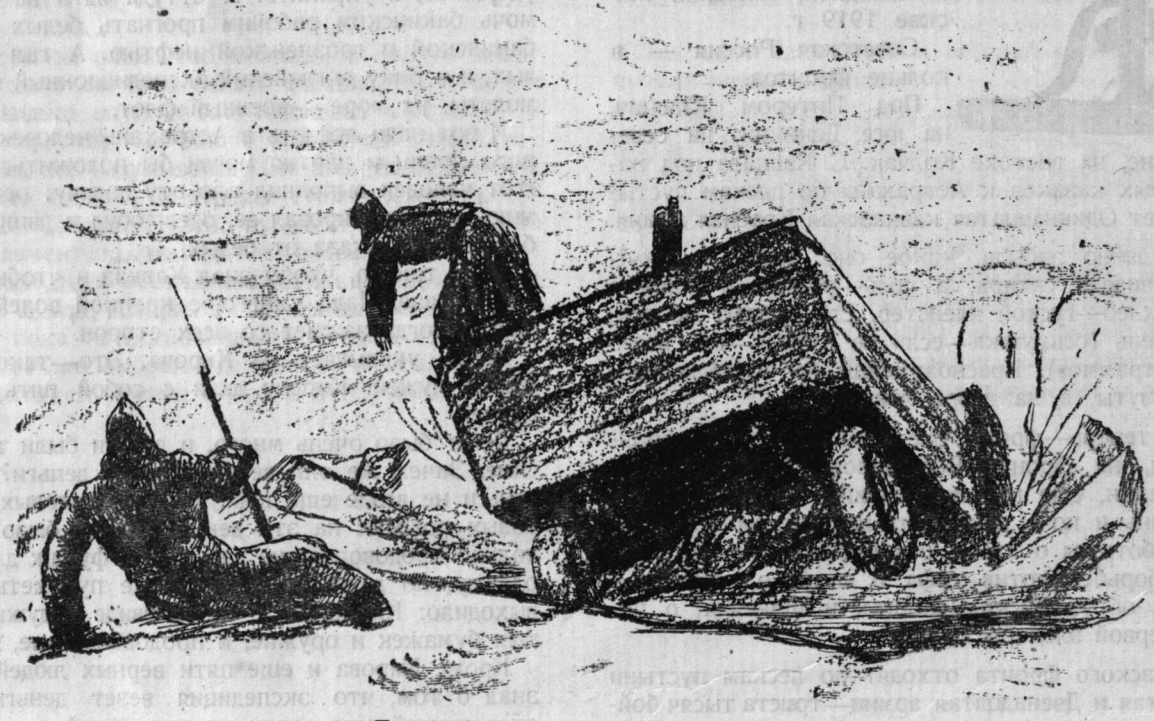
К середине февраля вернулись на форпост, на правом берегу Волги. Нельзя оставаться здесь, нужно переезжать Волгу и до времени спрятать деньги в надежное место, а Волгу переезжать уже опасно, лед совсем слабел. Сергей Миронович решил пустить сначала одну машину с грузом на пробу—прошла. Пустил вторую, нагрузили ее вдвое — и та прошла.

— Ну, едем, — сказал он шоферу.

Поехали. Уже скоро на том берегу. Тут лед стал потрескивать.

— Переключай на большую скорость! — крикнул Киров.

Шофер завозился, на миг машина задержалась, лед треснул, и передние колеса ушли под лед. Машина тонула носом. Киров кричит шоферу: «Прыгай!» Шофер выскочил из кабины, за ним Киров, Бутягин прыгнул с платформы грузовика, пролетел по льду, а когда оглянулся, увидел только конец кузова и столб воды: машина ухнула.



Передние колеса ушли под лед.

Достать во что бы то ни стало

Было от чего придти в отчаяние: с машиной, с ящиками утонули и сотни тысяч патронов, тысячи винтовок и пулеметов—все, что можно было бы достать на эти деньги, утонули надежды на выкуп товарищей из рук английской контрразведки. А тут еще по Астрахани проползли слухи: кто-то разузнал про таинственные ящики, кто-то видел, как Киров их ночью переколачивал. «Ага! Коммунисты украли миллионы; ночью под Яндыком деньги вынули, в ящики—камней, а как на машине приехали, тут же, у берега, ее под лед — и концы в воду». Слухи смущали и тех, кто стоял за советскую власть: ну, а в самом деле, может быть, и украли?

Не такой человек был Сергей Миронович Киров, чтобы придти от этого в отчаяние. Однако все же было досадно и беспокойно не за себя, а за день-

ги—он решил их добыть во что бы то ни стало. Слухи вредили делу. Они чернили партию в глазах астраханских рабочих, а момент был такой, что только при полном и крепком доверии к партии можно было спасти положение. А слухи опровергнуть можно было только одним: нужно было вытащить ящики, чего бы это ни стоило, и как можно скорей.

Время к весне—Волга вот-вот вскроется, тогда жди, пока пройдет ледоход. Надо торопиться. Вот и торопись: глубина в этом месте большая, а течение такое, что чорт его знает, куда могло оно закатить эти ящики.

У проруби поставили брезентовую палатку, вызвали водолазную команду.

Ищет она день, ищет другой—не находит. Ходят, ходят водолазы по дну Волги—ни ящиков, ни машин.

У проруби охрану поставили. Киров, не доверяя никому, по очереди с товарищами сутками дежурил в палатке. А когда не дежурил ночью, то все равно утром ходил на Волгу. Беспокойство его одолевало, но это мало кто и замечал, хоть восемнадцать человек в той же комнате жило. Как же заметить, коли человек еще шутит над своим несчастьем, поет своим тенором и подмигивает: «Ты, великая река, не видала ты миллионов от терского казака?»

— Что, Бутягин, миллион-то подарил? Терской казак!

В Астрахани их все считали «терскими» за то, что они на Тереке воевали.

А водолазы все ходят по дну. Наконец, наткнулись на машину, вытащили ее лебедкой, а ящиков-то в ней нет. Машина перевернулась, и ящики унесло течением.

Сергей Миронович не выдержал: надел на себя водолазный костюм, полез под воду. Никогда водолазом не был, но уже коли такое дело... Ходит под водой, настойчиво ходит. А вода мутная, сверху льдом как крышей прикрыто—ничего не видать, никаких ящиков, а течение несет, с ног валит.

Только на одиннадцатый день набрели водолазы на ящики. Все три вместе с пулеметом. Хорошо не оторвались, а то покатило бы их течением невесть куда.

Вызвали сейчас же на лед комиссию, вскрыли ящики, стали считать деньги, сверять номера. За одиннадцать дней деньги промокли насквозь. Повезли их в баню—сушить и гладить. Деньги попали, куда назначены: в фонд обороны, в зафронтовую полосу. На эти деньги был выкуплен из тюрьмы один из бакинских комиссаров, большевик Микоян, и другие. Этими деньгами спасли им жизнь.

Астрахань окружена

А опасность все приближается к Астрахани. Белые все ближе и ближе. Товарища Кирова в Астрахани избирают на пост председателя ревкома.

Стал Киров председателем ревкома в самое трудное для Астрахани время. Тиф косит людей, валит его близких помощников. Белые близко, приободрилась контрреволюция. Киров это чуял. Вот-вот подымут голову. И подняли: в Астрахани вспыхнуло восстание. Пулеметы трещат на астраханских улицах, Киров сам руководит подавлением восстания. Ну, вот подавили, смяли контрреволюционеров—одна опасность ликвидирована. А белые уже у ворот города. Они теснят теперь не только с кавказской стороны, они подступают со всех сторон. Только теперь армия уже не бежит: она остановилась и бьется, и тут Киров, член Реввоенсовета Одиннадцатой армии, руководит сухопутными боями и морскими операциями против белых миноносцев, захватывает в плен миноносцы генерала Гришина-Алмазова. Он не только руководит боями, он, не прекращая боя, перестраивает армию, переформировывает полки и дивизии, укрепляет команду надежными и крепкими людьми. Слава героической защиты Астрахани — слава Одиннадцатой армии.

И вот наступает самый ответственный момент. Осень. Астрахань окружена со всех сторон: с юго-запада, с Кавказа, наступают казаки генерала Покровского; с юговостока, по берегу моря, идут уральские и астраханские казаки под командой генерала Толстого; с северовостока на соединение с Деникиным движется Колчак; с севера наседают донские казаки генерала Улагая; с моря, из Петровска, движутся английские миноносцы, а с воздуха английские аэропланы забрасывают город бомбами.

Уже Колчак видит: Одиннадцатая армия затянута в казачье кольцо. Уже составили списки комиссаров на расстрел. Податься Одиннадцатой армии некуда: заперты все выходы, армия в петле.

Троцкий уже не верил в силу армии. Шлет приказ—эвакуировать Астрахань. А Киров не подчиняется Троцкому, не выполняет приказа. Троцкий шлет телеграмму—снять Кирова.

Но Киров получил призыв Ленина—отстоять Астрахань. Сергей Миронович со штабом Одиннадцатой армии поставил боевую задачу — ко второй годовщине Октября разбить белых. И армия повела наступление во фланг и в тыл противника двумя боевыми колоннами.

В обход—на белых

Все развезло осенними дождями! Грязь, распутица, и вот по берегу Каспия красные курсанты, по пояс в воде и в тине, пошли в наступление к устью Волги. Волга у самого берега моря разбивается на тысячи ериков. Это мельчайшие рукава-речонки, где уже, где пошире. Курсанты переходили их вброд, строили через них мосты, переплывали на лодках. Вымокшие до костей, продрогшие и голодные, они десять дней без отдыха и сна дерутся с белыми казаками и теснят их в море.

Сверху, с Волги, идет другая колонна—это моряки под командой Кожанова. По осенней грязи в два дня они делают переход в 90 верст и заходят казакам в тыл. Вот соединились с курсантами и гонят казаков в море. А в море стоят английские пароходы и миноносцы. Но им не подойти близко: Каспийское море здесь мелко. Ближе трех километров не могут подойти войска в помощь казакам—высадить невозможно. Белые сдаются сотнями, остатки их бросаются в море и бегут водой к английским кораблям, а моряки и курсанты посылают вдогонку пули, и белые падают в воду—им больше не встать.

Немало моряков и красных курсантов пало в этих боях. Погиб почти без остатка шестой выпуск пехот-

ных курсов, погиб второй выпуск астраханских пулеметных, погибла не одна сотня красных моряков в астраханских ериках.

«После непрерывных боев,—телеграфировал Киров Ленину в октябре 1919 года,—противник в районе Ганюшкино был крепко прижат к Каспию, а сегодня ему был нанесен окончательный удар, смертельно сокрушивший белое астраханское казачество.

Части его, бившиеся против социалистической России в районе Царево, также исчезли бесследно, похоронив свои остатки у хутора Букатина (против Царицына).

В течение 10-дневных боев нами взято свыше 5 тысяч пленных, около 6 тысяч винтовок, 117 офицеров, 128 пулеметов, 3 орудия, 2 миллиона патронов, несколько тысяч снарядов, радиостанция, 6 гидропланов, громадные обозы и пр.

Таким образом враги рабоче-крестьянской России потеряли еще одно звено: астраханское казачество. Передовые части Одиннадцатой армии стоят уже на рубеже Терской области и скоро подадут свою мощную братскую руку горящему революционным пламенем Северному Кавказу. № 752.

Командарм Бутягин, член Реввоенсовета Киров».

В ответной телеграмме Ленин поздравил Одиннадцатую армию с победой.

Организатором этой победы был Сергей Миронович Киров, член Реввоенсовета Одиннадцатой армии.

Член Реввоенсовета

Но почему же, собственно говоря, член Реввоенсовета? Значит, не он был командующим армией? Нет, не он. Армией командовал командарм, бойцы шли в бой по приказу командарма. А то, что эти приказы командарма могла выполнять армия,—это было сделано Кировым.

В конце 1919 года приехал в Астрахань новый командарм, Василенко. Он приехал с Южного фронта. Там он командовал дивизией. Южный—это широкий фронт. Каждый командир знал, что рядом с ним бьется другая часть. Дивизия с дивизией, плечом к плечу. Теперь Василенко ехал в Астраханскую армию, которая сражалась одна, отрезанная от других фронтов. Он уже знал, какие бои выдержали защитники Астрахани, и ожидал увидеть истрепанную армию, измученных людей.

Его встретил город, живущий одним напряженным делом, его встретили бодрые люди, об'единенные одной целью, его встретил улыбающийся Киров, с красными от бессонных ночей глазами, в чистом белом воротничке под штатским пиджаком.

Член РВС в белом воротничке в почти осажденном городе! Каких только смелых экспедиций не устраивал Сергей Миронович из осажденной Астрахани! Посланные им люди ухитрялись из Баку провозить бензин мимо целых неприятельских флотилий. Он посылал людей в тыл белым армиям, и они там умудрялись обезоруживать самые крепкие воинские части своим оружием—большевистским словом. Киров посылал на самолетах листовки для белых солдат: они действовали подчас не хуже артиллерийских снарядов.

А белый воротничок носил и в баню ходил, чтобы тифом не заболеть: нельзя болеть в такое время члену Реввоенсовета. И не заболел.

Как он жил тогда в Астрахани? Да так: либо в штабе либо в раз'ездах. У него была к тому времени комната с койкой, больше в ней мебели не было. Но в комнате он почти не бывал. Разве чтобы отсыпаться в передышки. Как выедет в часть, обязательно везет с собой полушубки для бойцов, шапки. Шапками, конечно, врага не закидаешь: Киров знал, что дело делают люди, и для всякого дела прежде всего надо устроить людей. А какой же воин, коли в пору только уши тереть?

Как водят армии? Так на первый взгляд кажется: верхом на коне летит вперед полководец, а за ним бегут красноармейцы и кричат «ура». На самом деле, конечно, совсем не так. Во-первых, это забота о том, чтобы накормить, одеть и воодушевить бойцов, поднять их сознательность как бойцов рабочего класса. Потом, забота, чтобы на местах были умелые командиры. Наконец, работа у карты. Это напряженная работа мозга, уменье оценить и предвидеть все ходы врага и вовремя принять решение.

Таинственный корреспондент

Особенно горячая работа начинается ночью. После дневных боев командиры дивизий докладывают, что произошло, как дрались, куда продвинулись. Требуют распоряжений. Командарм и член Реввоенсовета сидят у телеграфного аппарата. Аппарат строчит, из него выползает белая лента, и полководцы по буквам читают донесения командиров частей. Бывало так, по четыре ночи подряд сидят у телеграфа. Что же, не спали? Да нет, бывало, и спали. Заест телеграфный аппарат; пока телеграфист возится с ним, Киров с одной стороны, Василенко—с другой, так, сидя на стуле, положат голову на край стола и спят, пока телеграф снова не застучит.

Да не с одними командирами связан был Сергей Миронович. Связи у него были и далекие. Слали ему донесения из самого города Баку, где хозяйничали англичане и контрреволюционное правительство муссаватистов.

Началось дело так. Раз ночью приносят Кирову в штаб радиограмму с радиостанции. Что за чорт? Из Баку какой-то неизвестный человек очень сжато, очень коротко передает, что делают белые и какие планы готовят против красных. Сначала не верили. Подумали, может быть, ловкая провокация: нарочно путает. Но нет, проверили через партийную организацию Баку, оказалось, все верно. И вот систематически, то раз в неделю, то два, а то и в три недели раз, Киров получал сведения от своего неизвестного корреспондента. И так несколько месяцев кряду. О том, как он с ним потом познакомился, расскажем после.

Прошла зима двадцатого года, и к весне белые под натиском Красной армии дрогнули и побежали. Армия наступала, ушла уже километров на пятьсот, а штаб был в Астрахани.

Нужно наступать и гнать белых дальше, к Грозному, на Баку: нужно было вести армию вперед. Теперь из Астрахани на таком расстоянии уж трудно было руководить боями: провода то и дело рвутся, обрывается связь—надо ехать к армии и командарму и Кирову.

А как ехать? Наступила распутица, в автомобиле

через степь никак не пройдешь, застрянешь где-нибудь в пути, и пиши пропало, командарм! На лошадях можно, но это недели три протащишься. А нужно хоть сегодня быть в Святом кресте и оттуда повести наступление. Как же туда попасть? Только по воздуху! А на чем лететь?

Сейчас вот пролетишь четыреста километров на каком-нибудь трехмоторном АНТ'е с компасом, картами, радио—эти четыреста километров—пустяк. А попробуй пролететь на тогдашнем, да еще растрепанном аппарате, без компаса, без радио, в распутицу, которая спутала всю карту, сделав из одной реки сотни рукавов, а из ста рукавов—озеро. Хорошо лететь на чистом бензине, а попробуй лететь на какой-то фантастической смеси, которую тогда приходилось жечь в тогдашних заплатанных моторах. Лететь без компаса, прямо по солнцу. Потому что в степи никаких ориентировочных пунктов нет—сплошная ровная земля. Для самолетов было тогда одно название—«летающие гробы». Удивительно, как они не рассыпались в воздухе. Правда, некоторые и рассыпались. И вот на таких «летающих гробах» решает лететь Киров с командармом Василенко. Это было опасно, но другого выхода не оставалось.

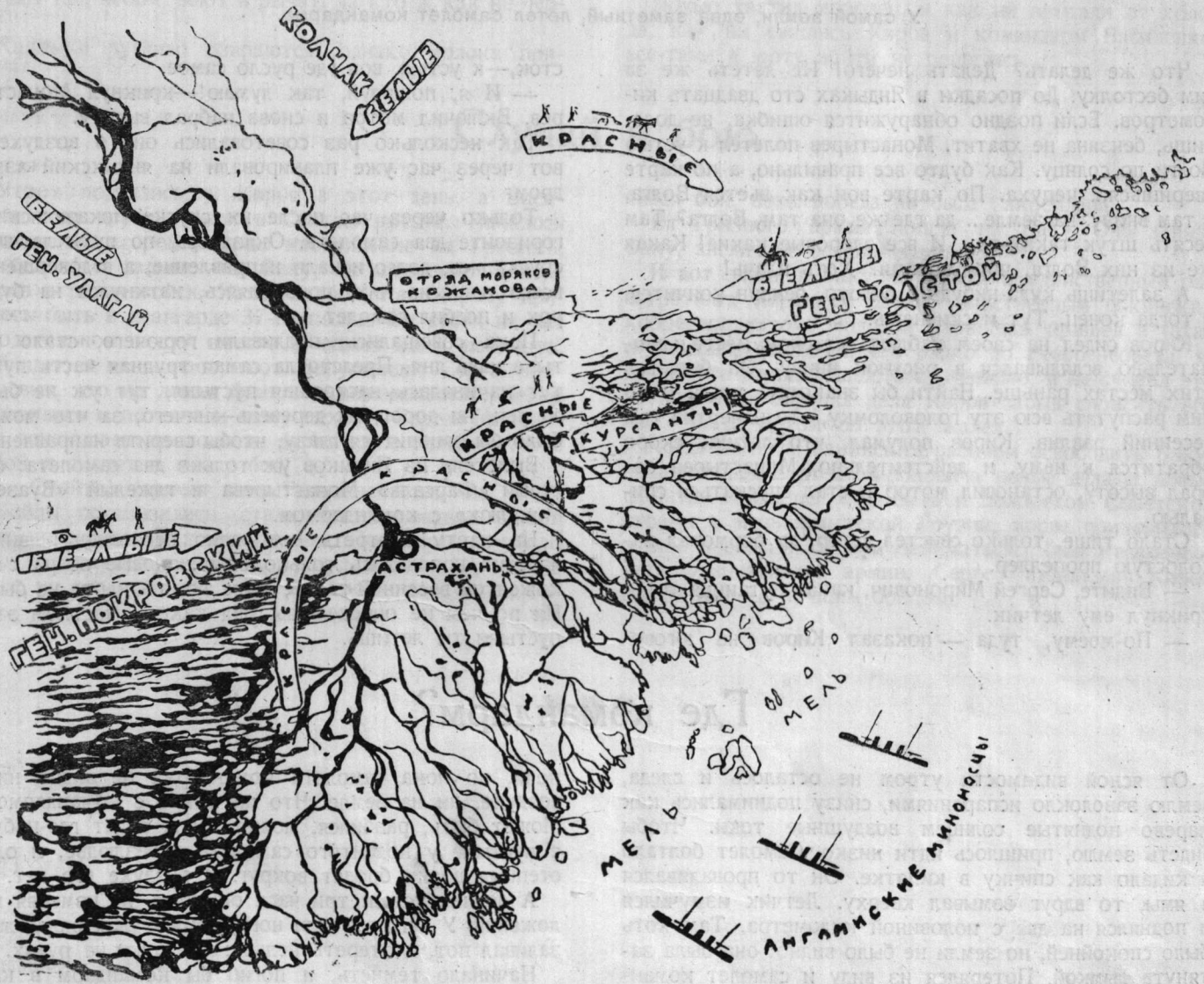
Воздушное бездорожье

Сергей Миронович вышел на крыльцо и посмотрел на небо: наредкость удачный день: на небе ни облачка, в воздухе ни пылинки, тишина, благодать.

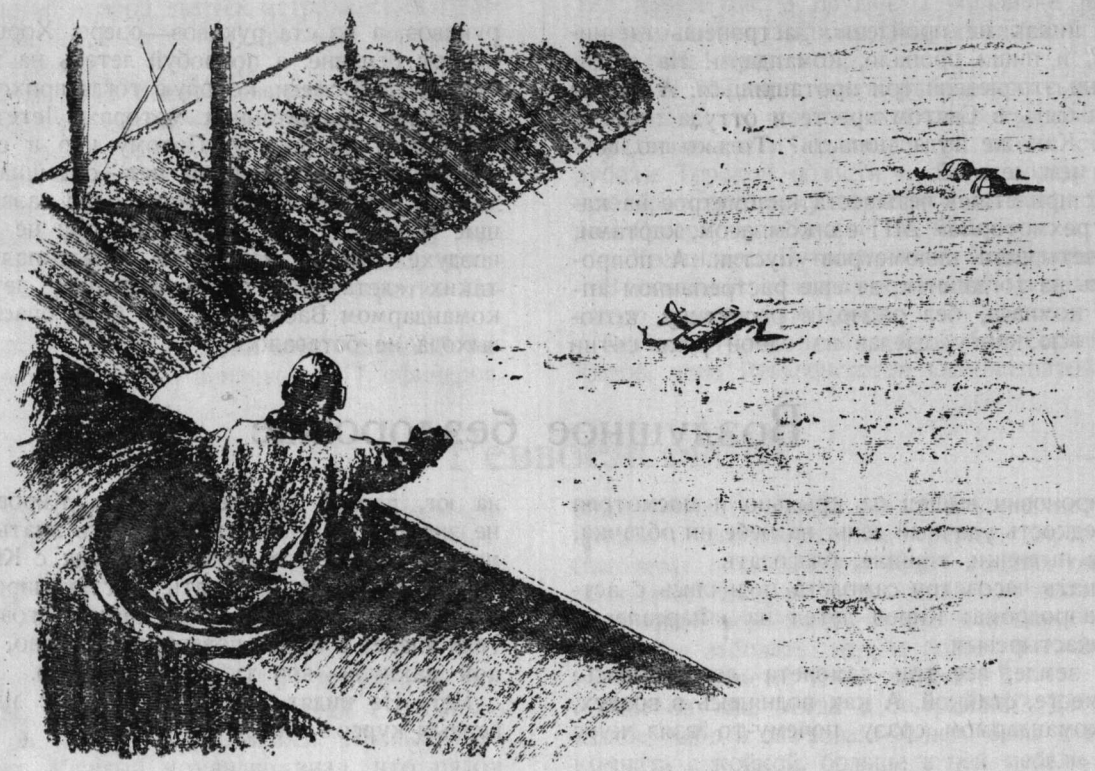
В одиннадцать часов три самолета поднялись с астраханского аэродрома: Киров летел на «Фарсале» с летчиком Монастыревым.

Внизу, на земле, все три самолета договорились: держаться вместе, стайкой. А как поднялись в воздух, самолет с командармом сразу почему-то взял курс на юг, второй самолет за ним. Кировский самолет не знает, что делать: как им дать знать, что не туда, мол, летите? Посоветовался летчик с Кировым, решили жестами дать им знать, жестикулировать всем самолетом как рукой. Они догнали товарищей, залетели вперед и круто повернули обратно, как будто рукой махнули—вон туда лететь надо.

Нет! Не видят или не понимают: идут своим неверным курсом—и все тут.



Карта боев под Астраханью в октябре 1919 г. С четырех сторон Астрахань окружена войсками генералов Покровского, Улагая, Толстого. С моря—английские миноносцы, с севера угрожает Колчак.



У самой земли, едва заметный, летел самолет командарма.

Что же делать? Делать нечего! Не лететь же за ним бестолку. До посадки в Яндыках сто двадцать километров. Если поздно обнаружится ошибка, не долетишь, бензина не хватит. Монастырев полетел к устью Волги по солнцу. Как будто все правильно, а по карте сверишься... чепуха. По карте вон как вьется Волга, а там внизу, на земле... да где же она там, Волга? Там десять штук таких-то... И все здоровые какие! Какая же из них Волга, чорт возьми? Хоть плачь!

А залетишь куда-нибудь в болото, бензин кончится, и тогда конец. Тут и скиснешь.

Киров сидел на своем наблюдательском месте и внимательно вглядывался в рисунок внизу. Он бывал в этих местах раньше. Найти бы знакомые места и по ним распутать всю эту головоломку, что начертил там весенний разлив. Киров подумал, что летчик скоро обратится к нему, и действительно, Монастырев забрал высоту, остановил мотор и стал спускаться спиралью.

Стало тише, только свистел ветер, да бормотал нахолостую пропеллер.

— Видите, Сергей Миронович, какая путаница-то!— крикнул ему летчик.

— По-моему, туда, — показал Киров на юго-восток,—к устью, вон где русло самое.

— И я, пожалуй, так думаю!—крикнул Монастырев. Включил мотор и снова набрал высоту.

Так несколько раз советовались они в воздухе и вот через час уже планировали на яндыкский аэродром.

Только через час после их спуска показались на горизонте два самолета. Оказалось, по пути летчики спускались, долго искали направление, а в довершение всего один из них, приземляясь, наткнулся на бугорок и подбил самолет.

Пока совещались, подливали горючего, стало четыре часа дня. Предстояла самая трудная часть пути: тут начиналась настоящая пустыня, тут уж не было ни рек, ни дорог, ни деревень—ничего, за что можно было бы зацепиться глазу, чтобы сверить направление.

Вылетели из Яндыков уж только два самолета: быстрый «Фарсаль» Монастырева и тяжелый «Вуазен» Михалюка с командармом.

На карту смотреть все равно бесполезно: внизу изредка попадались только солончаковые озера с ярко-желтой весенней водой, этих луж на карте не было. Ни по чем не определишь, над каким участком этой пустыни ты летишь.

Где командарм?

От ясной видимости утром не осталось и следа, землю заволокло испарениями, снизу поднимались как марево поднятые солнцем воздушные токи. Чтобы видеть землю, пришлось идти низко. Самолет болтало и кидало как спичку в кипятке. Он то проваливался в ямы, то вдруг взмывал кверху. Летчик измучился и поднялся на два с половиной километра. Там хоть было спокойней, но земли не было видно: она была затянута дымкой. Потерялся из виду и самолет командарма Василенко.

Стало спускаться солнце. Один всего час остался до ночи, но пока самолета командарма не видно ни в воздухе, ни на земле. Что же стало с командармом? Может быть, разбился, может быть, сидит где-нибудь в пустыне у подбитого самолета в безлюдье, и одни степные волки бродят вокруг. В воздухе его нет.

А летчик устал: три часа он сидел, не изменяя положения. У него затекли ноги, ломило поясницу, глаза заливал пот, и отереть нельзя: обе руки на рулях.

Начинало темнеть, и погиб бы командарм в калмыцкой степи, если бы не острый глаз Кирова. Все три часа он напряженно, до боли в глазах, всматривался в

туманную дымку. Еще десять—пятнадцать минут—и настанет глухая тьма. Вдруг он хлопнул летчика по плечу, ткнул пальцем вниз. У самой земли, едва заметный, летел маленький как букашка самолет командарма. Он спускался все ниже и ниже и, наконец, остановился. То, чего так опасались, произошло,—это вынужденная посадка,—значит, что-то там неладно. И Сергей Миронович приказал летчику лететь на помощь.

— Что случилось? В моторе свеча отказала? Ладно.

Спустились. Монастырев отдал Михалюку свечу от своего мотора. Летим дальше? Нет, не полетим: накрыла ночь.

Положение было не очень веселое: ни воды, ни еды. И как будто никого вокруг. Стали пристально оглядываться. Оглянулись, видят: в сумерках, вон из-за бугра, виднеются люди. Подошли поближе — люди убежали. Пошли за ними, смотрят: калмыцкие юрты.

Шайтаны прилетели

Вошли в ограду—целое семейство калмыков. Маленькие и большие прижались к стене, в глазах ужас. Отчего это так?

— Не бойтесь,—говорит Киров,—мы красные.

А им все равно: не знают они ни красных, ни белых.

— Шайтан!—кричат.

— Поздравляю вас, — говорит Киров, — за чертей признали.

А шайтан—по-калмыцки «чорт».

— А вы бы нам молока дали,—говорят летчики.— Честное слово, мы не шайтаны.

Но калмыки пока еще не очень верили: шутка ли, летают под небом, воют и рычат, да кто ж как не черти!

Калмыки пугливо озираются, однако молока принесли. А когда увидели, как шайтаны накинулись на молоко, совсем повеселели и заулыбались.

Киров смеялся: вот приключение, большевика за чорта приняли. Тут было двое, которые кое-как понимали по-русски, и Сергей Миронович—на что уж обстановка была необычайна!—стал рассказывать им, какая разница между большевиком и шайтаном и что есть такое советская власть.

Посидели немного. Пора и спать. Только разлеглись на войлоке, как все четверо: и летчики и командарм и член реввоенсовета—пулей выскочили из юрты: все командование Одиннадцатой армии позорно сбежало от блох. Действительно, блохи наступали в огромном количестве.

Ночью хватил морозец, и как ни прыгали от холода, как ни ежились Киров и командарм Василенко, все-таки в юрту войти не решались.

Случай в бою

Утром поднялись, и Киров в этот день, а Василенко—на другой были в Святом кресте. Началось выполнение второй задачи: наступление на Грозный, на белых, и дальше—на Баку, на англичан. Теперь Киров в рядах войск. Начались бои. Раз Кирову пришлось быть в авангарде 37-го полка. Он стоял на наблюдательном посту вместе с одним из командиров. Бой идет, и наши наступают. Вдруг видит Сергей Миронович, что на левом фланге замешательство: белые оправились и потеснили нашу пехоту. Сергей Миронович вскакивает на лошадь, берет двух разведчиков с собой и скачет к месту боя.

— Стойте!—кричит член Реввоенсовета.—За мной!

Бойцы остановились, стали отстреливаться и вот уже снова перешли в наступление. Под Кировым убило лошадь, он упал, расшибся, с трудом выбрался из-под коня, но с передовых линий не ушел, пока не закончился бой, пока победа не была закреплена.

От Грозного армия пошла на Баку. Она заняла Баку, англичане бежали заранее.

И вот здесь, в Баку, в первый и единственный раз встретился Киров со своим таинственным бакинским корреспондентом: молодой парнишка пришел в штаб и спросил, дошло ли его радио до Реввоенсовета, и, узнав, что дошло, ушел. Он, очевидно, и не считал это за подвиг. В горячке дела Киров забыл спросить его имя. Часто потом об этом жалел.

Когда помогли бакинским рабочим освободить Баку, начались для Сергея Мироновича новые дела и новые фронты. Пришлось ему быть и полпредом Советской страны в меньшевистской Грузии, после приходилось и еще военными делами заниматься. Член Реввоенсовета Одиннадцатой армии, Сергей Миронович Киров всегда был ее лучшим бойцом.

С. М. Киров в 1925 г.

Борьба за нефть

Нужна нефть.— Армия тартальщиков.— Крекинг Капелюшникова.— Охота на кабана.— Пожар на промыслах.

Нужна нефть

Настал 1921 год. Вот какой год. Все хозяйство нашей страны было как в параличе. Электростанции не давали света; трамваи стояли; на улицах фонари не горели, даже в Москве вместо электрических ламп горели лучины или масло в плошках. Многие заводы не работали, потому что дизели не работали. Шоферы заправляли автомобили какой-то дрянью—смесью спирта и бензина. Автомобили кашляли как дряхлые старики и то и дело останавливались. Вазелин в аптеках был большой редкостью. Телеги скрипели — их нечем было смазать. Вот какой год —полная разруха!

Но отчего же это так? А оттого, что нефти не стало. Без нефти дизель не будет работать, без дизеля и завод не пойдет, да и электростанция тока не даст, а без тока и трамвай не двинется с места, ни фонарь на улице, ни лампа в доме не вспыхнут. Без нефти нет и бензина, а без бензина и автомобиль как мертвец. Колесную мазь—и ту из нефти ведь делают.

А куда же нефть девалась? Ведь ее же добывали в Баку и Грозном.

Да, добывали. Но за те годы, когда Баку и Грозный были отрезаны белыми, нефтяные запасы внутри страны истощились, а потом, когда на Кавказе разгромили белых, они перед уходом разрушили нефтяные промысла в Грозном, разрушили их и в Баку, но не все, и вот почему.

Нефтяной король Детердинг, англичанин, незадолго перед тем скупил по дешовке все промысла у прежних владельцев—миллионеров Манташевых и Нобелей. Он был уверен, что большевики в России продержатся недолго. И он вернется в Баку единственным хозяином нефти. Но случилось не так, как он думал.

Советская власть укрепилась в Баку. А нефтяные промысла были в таком состоянии, как будто их вовсе и не было. Тартальщики первобытными желонками добывали такое количество нефти, которое не могло оживить заводы, электростанции, транспорт и промышленность, да и тартальщики почти все разбежались от голода. Ни рабочих, ни промыслов, ни нефти. Нет ничего! А промышленность нужно было наладить во что бы то ни стало. Ведь нужны людям одежда, ботинки, ножи, плуги и всякая всячина. Для всего этого нужна нефть и много нефти.

Надо было возможно скорее пустить в ход промысла. Дело серьезное! С этим делом мог справиться только человек крепкой воли, умный, талантливый организатор, с большим государственным размахом, человек, который мог бы наладить не только технику, но и воодушевить народ. Серго Орджоникидзе, руководитель кавказских большевиков, назвал Кирова. Ленин и Сталин поддержали его, и партия послала Кирова в Баку секретарем Центрального комитета коммунистической партии Азербайджана.

Киров — не инженер, Киров — не нефтяник, но Киров—крепкий человек, Киров—человек с верным и быстрым глазом. Киров знал, что всякое дело делается людьми и лучше всего оно делается тогда, когда люди знают, за что борются, веселы, бодры, когда в них задор—подраться с опасностью.

А в Баку Киров увидел унылых, голодных тартальщиков.

Армия тартальщиков

Вы знаете, кто такие тартальщики?

Тяжела и грязна их работа. Берут они желонку—узкое длинное ведро пудов десять весом, спускают на канате в скважину. С грохотом желонка летит метров триста на дно, наполняется нефтью, и тартальщики ее тянут наверх. Скрипят блоки. Желонка выползает из

скважины. Тягуче течет с нее нефть и обливает тартальщиков. Тартальщик подхватывает желонку огромным ухватом, направляет к деревянному жолобу. А посреди жолоба кол. На этот кол и садится желонка. Кол открывает клапан в желонке—и нефть вытекает в жолоб. Выльют, вытрутся паклей, натрепанной из каната, и опять тартай сначала.

Работа тяжелая, а тут еще холод, и ходят в отрепьях. Скважины с каждым днем истощаются. Вот докачают последнюю нефть — и разбредутся кто куда.

Вот армия, с которой надо было работать Кирову. Эту армию прежде всего надо было подбодрить. Пошел Киров по вышкам, поговорит с тем, с другим, перекинется шуточкой. Нашел среди тартальщиков кое-кого из рабочих, которые когда-то дрались вместе с ним против белых. Встретит такого и беседует с ним как со старым знакомым.

— Здорово, Амбарцум, как дело идет?

— Плохо, Сергей Миронович, совсем плохо, нефти мало, скоро совсем кончать будем.

— Ну уж это ты врешь, Амбарцум, теперь только начинать будем. Ну а как живешь-то?

— Ой, плохо, хлеба нет, скоро тоже кончать, помирать буду.

— Ну, ну, не торопись, еще поживем, поработаем.

Вот попалась и целая компания тоже из 11-й армии, и тоже все одни разговоры: хлеб да хлеб.

Киров дал знать в Москву: спасу промысла, нужен хлеб.

По мешку, по горсточке, урывая от своих скудных пайков, рабочие собирали хлеб и слали бакинцам. Работа в Баку пошла веселее. Народ подбодрился. Расчищали одну за другой заброшенные скважины. К концу года тартальщики дали стране 2 миллиона тонн нефти. Это была настоящая победа и большая победа. Добыча нефти увеличивалась день ото дня. Но этого все еще мало. Как бы тартальщики ни тартали, а таким первобытным способом много нефти не добудешь. Нужно призвать на помощь технику.

Ведь не все же в мире добывают нефть желонкой. Есть и другие, наверное, способы, более усовершенствованные!

Киров стал изучать это дело, читать литературу, технические заграничные журналы. Стал тормошить инженерский состав.

Ведь вот в Америке нефть не желонкой черпают, гонят глубоким насосом.

Надо послать в Америку и привезти оттуда все оборудование целиком, чтобы как пришло, так и в работу. Поехал заграницу Серебровский, начальник Азнефти.

Привез Серебровский машины, те самые глубокие насосы. Бросились их ставить сейчас же, не теряя времени.

Поставили насосы, соединили с паровыми машинами, засопели насосы — и потекла нефть. Где прежде потело полсотни тартальщиков, теперь один масленщик ходит от насоса к насосу, поглядывая за работой машин. Чисто стало на промыслах, тихо, не гремит желонка, не обливает тартальщиков нефть, да и нефть то стала дешевле.

Крекинг Капелюшникова

Тартальщикам как будто уж и делать нечего. Нет, они пошли бурить новые скважины. Больше скважин, больше нефти. На это больше всего и обращал внимание Киров. Он радовался каждой новой вышке. Да теперь и вышки-то стали бурить не по-старинке, не долотом, а новым американским вращательным станком.

Вышки росли одна за другой, и скоро стало столько нефти, что не только забегали по Союзу паровозы, заработали фабрики, заводы, электростанции, но излишки нефти стали гнать по трубам в Батум, куда приходили за ней пароходы из заграницы.

Но и это полдела. Паровозные топки работают на нефти, а где же керосин, бензин, где минеральная смазка машин? А автомашины? Их нефтью не пустишь. Нужен легкий бензин.

Бензин—это дыханье, которым дышит нефть, тот легкий парок, который можно выгнать из нефти, если ее согреть. Но надо его поймать, а он обладает способностью удирать во всякую щелочку, во всякую скважину.

У промышленников Манташевых и Нобелей в Баку стояли заводы, где получали из нефти бензин, а за ним керосин, десятки смазочных масел, вазелин. Это целая химическая фабрика! Пустить бы эти фабрики в ход, да хозяева развалили их и ушли. Ни одного целого перегонного завода не оставили.

Киров предложил простое дело: нельзя ли из трех поломанных собрать один целый завод. Ну, конечно, нашлись старики, которые презрительно фыркали, экую чушь придумал! Но Киров упорен.

Среди инженеров нашлись и такие, которые взялись за это дело, и дело пошло. В Баку стали гнать как при прежних хозяевах бензин, керосин, вазелин и всякую всячину.

Оставался мазут, из него уж ничего не выгонишь. Но Киров узнал, что в Америке и мазут идет в ход. Из него там тоже гонят бензин, но для этого нужны особые, очень сложные аппараты—крекинги.

И Киров добился того, что заграничные крекинги появились в Баку и стали работать. Теперь уже ни одна капля нефти не пропадала даром. Киров так взбодрил инженеров и рабочих, что многие стали выдвигать свои, более усовершенствованные способы добычи и обработки нефти. Молодой инженер Матвей Капелюшников изобрел крекинг своей системы. Представил проект Кирову. Киров одобрил. По проекту Капелюшникова сделали крекинги, и они работали не хуже американских.

Баку уже добывало около 7 миллионов тонн нефти.

Советская промышленность к тому времени уже работала полным ходом. И прежние голодные и оборванные тартальщики теперь жили в Баку по-иному. Киров не забывал о них и всячески улучшал их быт: построил для них новые дома, электрифицировал рабочие районы, организовал Нефтяной институт, в котором учились бывшие тартальщики и их дети.

Спешка прошла. Теперь Киров мог выбрать день—другой и поохотиться.

Охота на кабана

Однажды с товарищами он решил поохотиться на кабана.

На кабанов никогда еще он не охотился. Нашли специалиста, старого охотника-кабанятника, о котором говорили, что он убил больше сотни кабанов.

Кабан—сильный и свирепый зверь. Он на бегу клыком перебивает молодое деревцо, а если его подразнить, то он впадает в ярость, которой нет удержу. Он прет на всякие опасности, и бывали случаи, когда оплошавший охотник не уходит от него живым, а собак кабан запарывает зачастую.

Кабанятник предупредил об этом охотников. Подранить кабана — это хуже всего, надо бить в убойное место, чтобы сразу наповал. Кабанятник об'яснил, куда.

Бросили жребий, кому где встать.

Кирову достался номер первый, и он стал против лаза, т. е. как раз на дороге, где побежит кабан, когда его погонят собаки. Все притихли и стали ждать. Собаки уже побежали в обход. Вот они залаяли, охотники насторожились.

Раздался выстрел. Выстрелов больше не было. Это стрелял Киров. Товарищи не знали, чем кончилось дело, и бросились к Сергею Мироновичу.

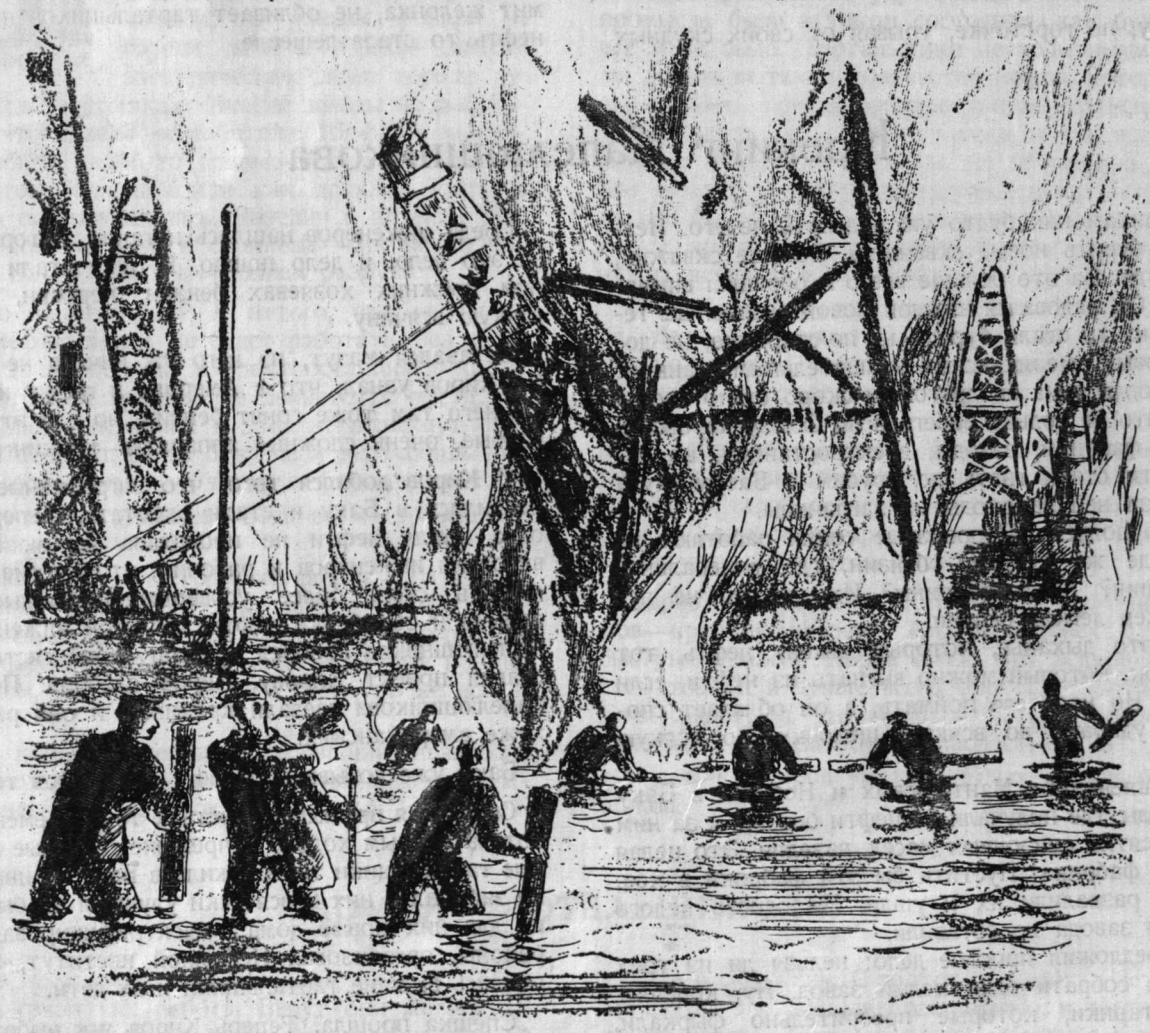
Может быть, что-нибудь случилось? Может быть, зверь подранен? Что же оказалось? Киров прыгал от радости над тушей кабана. Кабан оказался огромным, даже редким по этим местам.

— Вот смотрите! — говорил Киров, смеясь. — Одним выстрелом! И как попал. А только как налетело на меня это страшилище, должен сознаться, поджилки задрожали. А все-таки смотрите, куда попал!

Кабанятник осмотрел тушу, выстрел пришелся по всем правилам охотничьей науки. Киров притопывал от радости. Товарищи смеялись, глядя на него. Сергей Миронович веселый возвратился с охоты. В кабане оказалось 12 пудов весу. О Кирове говорили как о лучшем охотнике и выбрали почетным председателем союза охотников Баку.

Пожар на промыслах

Промысла работали. Жизнь в Баку улучшалась день ото дня. И это не давало покоя врагам. Однажды ночью, под выходной день, когда промысла спали, тревожно загудели гудки и сирены. В рабочие кварталы донеслось ужасное слово — пожар. Рабочие начали выскакивать из домов. Сильный ветер дул с севера. Все глядели в сторону Сураханских промыслов. Как раз с севера, с заброшенных вышек, начался огонь, и его гнало сюда, на живые вышки, где еще скрипели насосы, выкачивая нефть. Никто ни минуты не сомневался, что



По пояс в горячей воде отгоняют пламя.

это пожар. Все бросились к месту пожара. Все знали, что нефтяной пожар — это стихия, это бедствие, которое может нарушить их только что налаженную жизнь.

Киров одним из первых приехал на пожар и организовал штаб для руководства тушением пожара. Нужно было прежде всего сделать просеку среди леса вышек, срубить их как деревья в горящем лесу и этим не дать огню перебросится дальше на живую, действующую часть промыслов. Народ разбился на бригады. Одни подпиливают и подрубают вышки, другие привязывают к вышкам тросы, а третьи, ухватившись за трос, раскачивают и валят вышки. Киров сразу же увидел, что пожар продлится не час и не два, что люди устанут и захотят есть, уйдут домой отдохнуть, и уже трудно будет вернуться им на фронт, в огонь и пожар. Пусть тут же, в ста шагах, как на войне, в окопах, человек переведет дух, поест и опять в бой. Для этого Киров организовал сейчас же походную кухню, чайную и медпункт.

Просека готова. Вышки свалили, разрубили и растаскали. Вдруг случилось новое несчастье: из лопнувшей цистерны горящая нефть хлынула в соседнее озеро. Огонь быстро разбегался по воде. Он угрожал богатому участку, и если бы забрался туда, выгорела бы половина Сураханских промыслов.

Киров, схватив доску, бросается к озеру.

За ним с досками, с листами железа, с лопатами бегут другие. По пояс в горячей воде, отгоняют пламя. Многие обгорели, ошпарились, но пламя отступило.

Пожар продолжался двое суток. Все это время Киров был в самых опасных местах. Через неделю на погорелом месте росли уже новые вышки.

Так в опасные минуты работал Сергей Миронович Киров.

Азербайджан, где работал Киров, входит в Закавказскую советскую федерацию. Все народы многоплеменного Закавказья: тюрки, армяне, грузины, абхазцы, аджарцы— все они об'единены в одной Закавказской республике.

Вчера еще, кажется, вели они между собой кровавые войны, вчера еще, кажется, меньшевики, дашнаки, муссаватисты — все контрреволюционные партии по указке международных империалистов подстрекали их к взаимной резне.

Теперь это — одно содружество народов, которое вместе с другими шестью республиками Союза строит социализм.

Кто это сделал? Это сделала партия большевиков. Она сплачивала и об'единяла народы, она направляла их против общего врага и в самые трудные годы, когда, прогнав англичан, меньшевиков и других контрреволюционеров, большевики Кавказа начинали работать на освобожденной земле, руководил ими Серго Орджоникидзе, его ближайшим соратником был Сергей Миронович Киров.

Он об'единял азербайджанских большевиков на борьбу за твердую линию партии против всех оппортунистов, против троцкистов, и против тех, кто пытался снова разжечь старую национальную вражду.

И как стойкого бойца партии, как закаленного в боях большевика, партия послала его против нового врага, который пытался атаковать партию.

13 января 1926 г., утром, как всегда вышел номер газеты «Бакинский рабочий». На первой странице было напечатано обращение партактива к ленинградским коммунистам:

«Волей высшего органа партии—ЦК—и тем самым волей всей партии руководитель азербайджанской организации нашей партии и любимец бакинских рабочих тов. Сергей Миронович Киров послан на работу к вам, в ленинградскую организацию. Как нам ни трудно расставаться с тов. Кировым, как нам ни дорог тов. Киров, нас утешает одна мысль, что он будет в Ленинграде.

Пять лет работы с Кировым в Баку показали нам, что он не только прекрасный работник, но и лучший товарищ. Мы глубоко убеждены, что вы не только не будете жалеть, что к вам переведен именно тов. Киров, но и вы его скоро так же полюбите, как полюбили его бакинские рабочие.

Вы, товарищи ленинградские коммунисты, в лице товарища Кирова приобрели стойкого, выдержанного, старого большевика-ленинца и лучшего, умелого руководителя вашей организации».

■ ■ ■

Снимок 1930 г.

Вождь большевиков Ленинграда

Делегация изменников.—Снова предательство.—Киров в Ленинграде.—Коридор без дверей.—Неведомые горы.—Сквозь вихрь и стужу!—Строить Хибины!—Океан за стеклом.—Город Кировск.—На последнем фронте.—Предательский выстрел.—Письмо товарищей.

Делегация изменников

На четырнадцатый партийный с'езд в Москву из Ленинграда приехала делегация. Сбившись в кучку, делегация эта держалась особняком и не смешивалась с остальными делегатами. Большевики, приехавшие со всех концов Союза, лучшие люди, которых выбрала партийная организация, насторожились. Все знали, что это приехала ленинградская оппозиция, люди, которые пошли против всей партии и ее Центрального комитета.

В чем дело? Неужели все большевики Ленинградской области и питерский пролетариат, испытанный во многих боях, пошли против всей партии?

Нет, конференция большевиков Ленинграда строго поручила делегатам голосовать за линию Центрального комитета, но во главе делегации стоял Зиновьев, который давно готовился выступить против партии и всякими махинациями подстроил так, что делегаты были все наподбор.

Все наподбор за линию партии? Нет, против партии и за Зиновьева. И на с'езде они голосовали против Центрального комитета.

Кто же такой Зиновьев? Почему он вдруг изменил партии? Нет, вовсе не вдруг.

Еще в 1917 г., когда Ленин настаивал на вооруженном восстании к 25 октября (по старому стилю), Зиновьев вместе с Каменевым отговаривали, возражали, голосовали против, даже вон что вышло: выдали буржуазным газетам всю стратегическую подготовку Октября.

Значит, выдали партию?

Да!

Ну а дальше, вопреки предательству, всем предсказаниям и карканьям, большевики победили, и во главе страны стало советское правительство. И только что оно сорганизовалось, как член ЦК большевистской партии Зиновьев требует ввести в правительство меньшевиков и эсеров, разделить с ними власть, отдать советскую власть как раз тем, кто был против большевиков.

Снова предательство

Настал 1925 год. Только что восстановили промышленность, которая была разрушена войной. Нужно было двигать дело дальше. Надо было сделать весь Советский союз промышленной страной, строить новые заводы и строить их по-новому, с таким расчетом, чтобы мы производили и лучше и больше чем буржуазные страны.

Нужно было строить для того, чтобы добиться такой жизни, в которой люди составят одну семью, одно бесклассовое общество — социализм.

Этого не легко добиться — за это и в царских тюрьмах сидели и на фронтах бились, для этого и сейчас вот нужно напрячь все силы и не бояться никаких трудностей.

И Зиновьев снова не выдержал испытания. Он испугался. Испугался, как тогда, в Октябре.

Социализм строить?

Строить, может быть, и можно, а вот построить—это все равно не удастся. Где же построить, когда кругом буржуазные страны, не хватит сил, если на помощь не придет революция на Западе. Конечно, не хватит. А если сил не хватит, то стоит ли строить?

По Зиновьеву не стоило брать власть в октябре 1917 года.

А тут еще кулак в деревне растет, крепкий и страшный, а крестьянин-середняк—союзник ненадежный; он не за рабочим классом идет, а все больше к кулаку тянется, и нечего на него рассчитывать.

Лучше всего так сделать, чтобы он никому не помогал—ни нам, ни кулаку.

Так говорил Зиновьев, а линия партии была другая. Партия говорила: кулак нам враг, а трудовой крестьянин—союзник, мы поведем его за собой.

Ленин и Сталин говорили, что мы можем и должны построить социалистическое общество, у нас есть все необходимое, чтобы его построить.

Зиновьев был против линии партии, и, вместо того чтобы подчиниться ее дисциплине, которая запрещала члену партии, а тем более члену Центрального комитета собирать из членов партии свою внутреннюю партию—фракцию против ЦК, он в Ленинграде воспитал из таких же изменников и паникеров своих сторонников. Он кричит на всех перекрестках, что надо спасать партию, что Сталин и ЦК толкают ее на путь гибели.

Он уже не слушает указаний ЦК. Он хочет вести ленинградскую партийную организацию, как будто это отдельная партия, где он вооружает своих сторонников против вождя партии большевиков Сталина, против ЦК, против всей партии.

Приехав на XIV с'езд с тремя десятками своих молодцов, он напрасно пытался привлечь с'езд на свою сторону.

Сплошной стеной стал за дело партии с'езд. Зиновьев со своими сторонниками остался одиноким. Партия была против него.

Ему пришлось оставить Ленинград, но он не оставил борьбы против партии. Он бросается к Троцкому, против которого вчера выступал. Теперь он готов работать с ним вместе: и Троцкий против партии, и позиции их одни и те же. Вместе с Троцким он устраивает подпольные собрания и демонстрации против партии.

Киров в Ленинграде

В Ленинград, где на ответственных местах оставались еще зиновьевские сторонники, где еще газета, которая была в руках зиновьевцев, печатала статьи против Центрального комитета, партия направила Кирова. Кирову предстояло прежде всего разоблачить Зиновьева перед всеми ленинградскими рабочими, показать, что путь Зиновьева — путь гибели, так как он ведет к поражению революции, это раз, а второе, сейчас же устранить от руководства все то, что вырастила зиновьевщина в ленинградской организации, сколотить вокруг себя крепкий партийный актив и, опираясь на старых питерских рабочих-большевиков, сейчас уже приняться за дело так, как решил партийный с'езд.

Киров сбил зиновьевцев и троцкистов со всех их позиций, он повел против них ленинградскую партийную организацию. Стеной вокруг Кирова вырастали ряды бойцов за линию партии. Под его руководством зиновьевская оппозиция была разгромлена.

Как всюду, он прежде всего начал с расстановки людей. Надо на все участки поставить верных партии людей. Это надо сделать на всех участках фронта, а фронт вот какой: сам город Ленинград, где сосредоточен весь ученый мир Союза: Академия наук, которая осталась еще с царских времен — ученые старики и их молодые ученики, и тут же питерский пролетариат — ветераны старых забастовок, производственники чуть не с полувековым стажем. И надо сделать, чтобы между двумя сторонами ленинградской жизни— учеными и рабочими — образовалась тесная связь на почве единого дела.

Нужно взять за руку старика-академика и седого ленинградского мастерового, свести их вместе, поставить рядом и сделать это так, чтобы эти люди теперь уже об руку пошли вместе, пошли в ногу как раз по тому пути, который Киров, партия считали единственно правильным.

Сейчас же, с первых шагов надо было ответить ленинградской промышленности на общее задание партии, задание боевое, срочное. На ближайшей очереди стояла индустриализация страны. Старый Питер все еще оставался коренным промышленным центром. Питер должен был родить другие заводы, электростанции. Он должен был сделать суда для морей и внутренних вод. Он должен был оборудовать текстильные и бумажные фабрики, подать машины в Донбасс, т. е. требовалось сейчас же обратить Питер в завод заводов.

Но Киров знал, что и это дело делают люди: это делают рабочие, инженеры, это делают партийные организации предприятий. Надо туда пойти, надо устроить, чтобы эти люди могли работать. Надо сейчас же принять такие меры, чтобы эти люди убедились, что о них думают, заботятся, что им дают не только задания и приказания, но что им дают средства и удобства, чтобы делать свое дело, — то, про что старый мастеровой сказал бы: «Дать делу ток».

Но чтобы «дать делу ток», надо оживить все сразу, потому что нет такого дела, которое торчало бы как сухая кочка среди болота, и Киров знал, что все дела тесно связаны между собой как органы одного тела. Чтобы рабочие производили, нужно снабжение, чтобы было снабжение, нужен транспорт, чтобы был транспорт, нужны топливо, металл, нужна продовольственная база.

А сама-то область пока ведь еще потребляющая, т. е. это значит, что она питается с чужого посева, и всей стране за это нужно вовремя поставить свою продукцию.

А какая продукция? Что, кроме металлической? Вон Новгородский район перерабатывает свою глину на посуду, на электрооборудование, Карельский край гонит свой лес по рекам сплавом, гужом, буксиром, а дальше вон, на севере, Мурманский порт!

Коридор без дверей

Да ведь это не шутки—Мурманский порт! Это незамерзающая гавань, отлично устроенная природой. В гавани круглый год можно выгружать и нагружать пароходы, только приложи руки.

Но какой толк, если суда всего мира будут приходить в Мурманск, выбрасывать на берег свои грузы, а дальше как же? Как эти грузы потекут в страну? За Мурманском тундра, и по этой тундре наспех, кое-как перекинута железнодорожная времянка, второпях сложенная царским правительством во время войны. Она вся расползается, и по ней больше ходит ремонтных паровозов чем товарных составов. Ее так

Екатерининская гавань, какой она была при посещении Кировым в 1929 г. На берегу видна биологическая станция.

и называли: коридор без дверей. Туда можно было заслать груз, чтобы он завяз в трясине: выхода из этого коридора нет.

Во что бы то ни стало надо сделать из этого настоящую железнодорожную магистраль, с настоящим грузооборотом.

Перед этим делом отступили Зиновьев и Троцкий. Троцкий кричал, что дорогу нужно консервировать, т. е. ждать, пока ее не засосет тундра и не поростет она сверху мхом. Ведь всякая дорога до той поры жива, пока ее поддерживает ремонтный уход.

А Мурманская времянка и с уходом-то еле дышала, и паровозы с риском хлюпали по тундре с полупорожним составом. Надо это дело делать и немедленно, потому что Мурманск зимой подает заграничные детали, а без них не завертятся фабрики. Ответственность за это лежит на Ленинградской области, за Ленинградскую область отвечает ленинградский пролетариат, ленинградские большевики, их вождь и руководитель—Киров. Но вот еще, что спросят с Ленинградской области. Ведь Мурманск—это северная Астрахань, да, пожалуй, и покрепче. Здесь океанский лов рыбы. Здесь древнее поморское рыболовство, действительно древнее. Столетними, дедовскими способами здесь ловят поморы треску. Ее здесь столько, что еще царское правительство подумывало, не кормить ли ею всю армию во время постов.

Надо реорганизовать это дело. Надо поставить рыбный промысел так, чтобы это ощущала страна. Надо заводить настоящий, европейский тралловый лов — не с судов времен Ивана Грозного, а со стальных пароходов-траллеров. Настоящий, промышленный лов.

Надо узнать, как живут там люди, надо соединить, сбить их в артели, надо дать им хлеба, капусты, овощей — пусть они дают нам рыбу! Надо дать им сетки, пароходы, пароходам нефть, уголь — и все это через Мурманку. Ох, как важна эта Мурманка! Выделить Мурманку в особое хозяйство, пусть будет не нелепая дорога, а железнодорожно-хозяйственный узел, Мурманский колонизационный комбинат. Ведь она, бедняга, идет как Нил по пустыне, и пусть кругом нее растет население! Пусть строят поселки! Пусть заводят свое хозяйство! Они в особых условиях — им особые права. Устроятся люди — устроится и дело.

Неведомые горы

А там, на восток от Мурманки, что там? — «Безглагольна, недвижима мертвая страна». Тундра, глухой лес, бездорожье, и как зубы в старой челюсти торчат крепкие каменные горы. Что за горы? Может быть, они чего-нибудь стоят? Подолбить, поскрести. Пусть займутся знающие люди. Знающие побывали, поскребли, подолбили. Ну?

Вот и ну! Одни знатоки говорят: горы дрянь! Есть там стоящее, из чего можно сделать, пожалуй, неплохое удобрение для полей, но этой благодати такая капля, что не стоит овчинка выделки, а другие приехали оттуда с восторгом в речах и с такими надеждами в душе, что Киров заслушался:

— Горы громадные, состоят из апатита — ценнейшего материала для удобрения полей, все равно, как бы выросли из земли головы сахара. Только бери да коли — мировые богатства!

Вот и решай! Если мировые богатства, так ведь стоит по топкому месту провести дорогу, стоит кинуть деньги, энергию и ценных людей на то, чтобы устроить целый город, который жил бы этими горами и посылал бы жизнь полям пшеницы, овса, чтобы зацвели и зазеленели места, где на тощей глине сейчас через силу пробиваются чахлые ростки. Эти горы могут переродить целую страну, накормить миллионы людей, а хмурые старики бубнили свое:

— Вздор!

Да и старики-то не простые — уважаемого звания, иностранные, импортные специалисты.

Как решить?

Не мог ведь Сергей Миронович Киров быть рыболовом, металлистом, железнодорожником, фарфорщиком, судостроителем и, наконец, геологом.

Кто его знает! Размечтались ли советские энтузиасты или правы трезвые заграничные спецы? А ведь вбухать в пустое дело миллионы...

И вот Киров оделся потеплей и двинул сам посмотреть. Не геолог, не горняк, а надо решать дело.

И Киров поехал.

Зима стояла крепкая. Но что такое городская зима перед зимней стихией тундры?

Тундра — это сухопутное море. На сотни километров ровная как стол. Она дает ветру разойтись, разгуляться, и он работает, крепкий как доска, упорно дует, рвет снег, взметает его ввысь и, играючи, несет, заметает, шутя, пригорки и заросли.

Попавши в зимнюю ночь за полярный круг, вы подумаете: это не для жилья. Здесь дыра в мировое пространство, и из этой дыры садит стихия, которая в миг оледенит и засыплет все живое. На это можно только взглянуть, на один короткий миг, чтобы сейчас же повернуться и бежать. И городские зимние улицы вы вспомните как светлую натопленную квартиру.

Сквозь вихрь и стужу

Сергей Миронович приехал на станцию, вышел. Едва в темноте разобрал два снежных сугроба — занесенные полярной вьюгой железнодорожные вагоны. В этих снятых с колес вагонах и помещалось все управление станции. Здесь и рабочие, здесь отделение треста.

«Вот оно, как живут люди», — подумал Киров. Но надо было ехать дальше. Да еще только за тридцать километров отсюда находились те места, которые нужно было осмотреть и решить, та самая «овчинка», о выделке которой шел спор.

Странно было садиться в автомобиль среди этого снежного моря: как будто на дрожках по океану. Кто-то из приехавших сказал:

— Кто тут жить собирается? Здесь просто выстоять пяти минут нельзя.

Ленинградский инженер Чиркин в дрянненьком городском пальтишке примостился на платформе грузовика. Кирова посадили в кабинку, рядом с шофером. Автомобиль тронулся. Проехали полтора километра. Казалось, что ветер режет, но что это от скорости езды. Если стать, будет тише. Инженер мерз на платформе. Он поднял воротник, весь сбился в комок. Он старался сесть пониже, укрыться за бортами платформы. Но ветер лихо вздымал снежную пыль, свистел над головой. Инженер был уверен, что он не доедет этих 30 километров. Хоть бы стали! На минуту стали! Автомобиль действительно остановился. Шофер выскочил из кабины. Инженеру не стало легче. Он увидел, что это не от езды.

Он понял, что северный ветер — здесь хозяин. Он бросает и порошит снегом резво и лихо, чтобы помучить, не сразу заморозить. Киров тоже выскочил из кабинки. Шофер возился около колес, накручивал цепи. Скользит, буксует.

— А вы что, кажется, замерзли?

Да, чорт возьми, каким теплым голосом спрашивает! Видно, что ему хорошо там, в будке.

Но инженер приободрился от этого голоса:

— Да ничего, Сергей Миронович, как-нибудь.

Но Сергей Миронович уже лез на платформу.

— Да ну вас, еще застынете вовсе. Я поплотней вас одет. Сейчас же лезьте в будку.

Киров немногим лучше одет был. Инженеру не хотелось сдаваться.

— Что вас силой тащить, что ли?—кричал весело Киров. — Слезайте сейчас же! — Инженер сопротивлялся, хоть уж знал, не оставит его здесь Киров. Но все-таки было неловко. Его запихали в будку.

И опять как корабль в снежном море, с ухаба на ухаб, как по волнам, грузовик стал прокладывать путь дальше. Прошли двадцать километров. Нет! Дальше не берет мотор. Инженер отогрелся. Путь кончили на санях.

Строить Хибины!

Настал короткий полярный день. Они были у цели. Вот они, горы, эти таинственные горы! Может быть, полные богатства, а может быть, пустые жесткие тычки среди этой тундры, может быть, они не стоят и тридцати километров этого мучительного пути.

Теснина среди гор, коридор, который продувает пронзительный сквозняк из тундры. Барак, который этот ветер продувал насквозь, — это штаб начавшихся разработок.

Вот там, наверху, на высоте 95 метров, дыра в глубь этих гор. Одна скважина, в которую можно заглянуть и посмотреть, какой клад заперт в этой снежной пустыне, в этих каменных сундуках. Киров полез к этой скважине. Надо непременно было самому взглянуть сюда, потому что только что весь остаток ночи в этом дырявом бараке Киров слушал, что говорили люди, которые живут у этих гор, которые вскрыли их нутро. Люди говорили разное.

Одни видели в скважине горы богатства, другим это казалось жалкой безделкой, жалкой на этом мертвящем холоду.

Киров лез по обледенелой круче. С ним лезли люди— и те, кто хотел показать, и те, кого Киров привез с собой.

Не всем удалось забраться по обледенелой круче, на ледяном ветру, по ледяным скатам, но Киров долез. Долез на самую высшую точку, туда, где открывался ход внутрь горы.

Вот оно, нутро! Вот слои богатства! А вот пустая, ненужная прокладка. Кирову об'ясняли, при нем спорили — Киров молчал.

В бараке он еще записывал в книжку эти разноречивые доводы. Здесь он смотрел и слушал; никто не знал, как он решит. Может быть, и сам он тогда еще ничего не решил.

Да и легко ли решить: пустяк или миллионы! Киров вернулся в Ленинград, узнав, что Хибины—это горы, куда взобраться — это то же, что взять приступом крепость, что люди живут около них в этом снежном бушующем море в своих бараках как в утлой лодчонке; что надо затевать целое строительство, что надо устраивать культурный остров в этой пустыне. И все это можно сделать и нужно во что бы то ни стало. Если... если правда, что это каменный сундук с кладом.

Все ждали, что скажет Киров. Ответственность за все предприятие падала на него — ему решать.

И Киров решил — строить Хибины. Хибины должны себя оправдать. Мы ими обогатим Союз. Мы поставим тут город, и кто еще знает, что можно будет добыть из этих камней — апатитов? Только прежде всего нужно устроить там людей.

Киров сам побывал и в этом вокзале из двух вагонов и в барачном штабе строительства и сам проделал весь путь на открытой платформе грузовика. Не нужно было об'яснять Кирову, что требуется для жизни в Хибиногорском комбинате.

Океан за стеклом

Но там, дальше на севере, еще Мурманск, незамерзающая Екатерининская гавань.

Незамерзающая? Ее надо смотреть зимой. Это самый важный и ответственный период ее работы.

И Киров из Хибин по Мурманской времянке двинул на север.

Сергей Миронович прежде всего обратил внимание в Мурманске на то, как там живут люди, чем они живут, что за странные дома и почему их называют «чемоданами».

Это те временные домишки, которые привезли с собой интервенты-англичане в гражданскую войну. Это не город, это какой-то разбросанный склад пустопорожней тары. А вот здесь как будто настоящие здания, но как их мало. Неважно, неважно живут тут люди, при этом важном и ответственном всесоюзном порте.

А вот и самый порт! Киров осмотрел причал Мурманского порта. Где же рыболовство? Кирову показывали рыболовные суда, огромный залив дышал приливной и отливной волной, черной и тяжелой в зимней полярной темноте.

Но кто же руководит рыболовством? Где командный штаб? Кто смотрит за рыбой? Кто следит за ее обычаями, нравами?

Кирова повезли в Александровск. Вот здесь наблюдают и следят за рыбой, за ее врагами, за ее пищей, за ее обычаями и нравами. Кирова привели к стеклянному аквариуму. За прозрачными стенками жило море, отгороженный стеклом кусок океана, где плавали рыбы, росли кораллы, ползали раки, извивались водоросли, кустами стояла морская трава. Здесь научный штаб рыболовства Мурманской биологической станции.

А вот начальник штаба старик Клюгер. Он уже тридцать лет не спускает глаз с этого водного царства. Он следит за ним, изучает, он делает выводы, и это научная база северного океанского рыболовства.

Старик говорил и говорил. Он мог рассказать тысячи самых тонких подробностей о жизни самых маленьких рачков, моллюсков, невидимых зверьков, которыми полна живая вода океана.

Киров слушал и не мог отвести глаз от подводного царства.

Уже бывшие с Кировым устали: устали стоять, устали слушать подробные об'яснения ученого,—а Киров все смотрел, все спрашивал. Это было то же богатое нутро, что в апатитах, только не каменная, а водная стихия.

Киров заглянул и в эту богатую глубь. Три часа, не уставая, слушал Сергей Миронович рассказы профессора. Нет! Теперь только людей приставить к этому делу, дать им в руки средства, привязать их к этой воде, чтобы им удобно, чтобы им хорошо было жить около нее, и, чорт возьми, чего только из этой воды не вычерпаешь!

И Киров и профессор обрадовались друг другу. Теперь только... Ох, большое «только»! Надо наладить снабжение Мурманского берега — это раз, т. е. опять же эта проклятая времянка. Потом дать сюда настоящие паровые стальные суда. Это значит — наше ленинградское судостроение. Да! Ведь паровым судам нужно топливо. Это значит—связать Донбасс с Ленинградом.

Стойте! А снасти? Снасти от Иваново-Вознесенска.

«Только» выходило очень большое.

Но большого не боялся Киров. Это большое должно добыть из этого моря огромное.

Киров вернулся в Ленинград с Мурманском и Хибинами в голове.

Т. е., что значит с Мурманском и Хибинами? Это значило, что Сергей Миронович Киров знал, каких людей нужно туда поставить и как этих людей устроить, чтобы они завертели дело.

И дело завертелось.

Город Кировск

И вот в том месте, где было страшно выстоять пять минут, где казалось нелепым думать об устроенной жизни, где в крайнем случае думали наспех обгрызать куски дорогих гор и скатывать их куда-нибудь, где потеплей, где что-нибудь растет, откуда первую тонну добычи на своих плечах снесли два первых разведчика, — там выросло все.

Вырос город с улицами, с театром, со школами, с банями, с мостовыми. Выросли огороды с брюквой, с капустой, с помидорами. Выросли деревья, которыми обсажены южные бульвары, кусты сирени. И сорок тысяч человек живут на том месте, где еще так недавно Сергей Миронович в досчатом бараке прислушивался к хриплым спорам:

— Вздор Хибины или бесценный клад?!

И этому городу решил быть Сергей Миронович Киров. Теперь он так и называется—город Кировск.

Тот самый край, куда Троцкий хотел закрыть всякий путь, уничтожив даже Мурманскую времянку,— этот край дал себя почувствовать не только в Союзе, но и заграницей, откуда сыпались заказы на хибинские плодоносные камни. И это в каких-нибудь пять лет. Мурманка укрепилась. Она перешла на обычный путевой режим: с товарными составами, вокзалами, экспрессами, станционными поселками.

В Мурманске каменные здания сменили «чемоданы». Траллеры ленинградского выпуска ловят треску в океане. Рыболовные колхозы по мурманскому берегу заменили кустарный летний лов сезонщиков-поморов.

Всему этому делу сегодня пять лет. Но все это только северный фронт ленинградской работы Кирова.

На последнем фронте

На юге назревала своя задача — надо было срочно выполнить задание партии: превратить область из потребляющей в производящую—попросту, посадить на свой хлеб и овощи. А надо сказать, что искони, с незапамятных времен, с тех пор как этим краем владели новгородцы, было известно как закон: всегда жили чужим хлебом, торговали, меняли, отнимали, но своего хлеба хватало разве что месяца на три.

И вот этот извечный закон нужно было поставить вверх ногами и начать это срочно.

Город Кировск, бывший Хибиногорск.

Опять надо было найти людей, которые бы могли перестроить все дело к 1935 г. так, чтобы можно было рапортовать партии: мы со своим хлебом, присылать больше не надо.

И Киров занялся устройством хлебных дел, картофельных посадок, овсами и огородами, и, главное, надо было проследить за новым и небывалым делом в этих местах. В тех местах, которые сейчас занимает Ленинградская область, кроме ржи да овса, других хлебов никогда не сеяли. О пшенице и думать нечего было. Накрепко знали, что пшеница в этих местах не растет—холодно.

И вдруг такое нестаточное дело! По колхозам Ленинградской области пошел слух: будто сеять пшеницу и на это дело выдадут семена. Ясное дело, деревня не верила, даже те, кому поручили поговорить об этом с колхозниками, и те некрепко доверяли успеху.

Понятно, что и Киров знал, с каким недоверием новая затея будет встречена колхозниками, вернее всего, что подумают: пустое дело!

А разве пустое дело станут делать серьезно и тщательно?! И первый же опыт при таком отношении может провалиться—надо подкрепить, поддержать и вселить настойчивую уверенность.

И опять Киров берется за свой испытанный метод—устроить так, чтобы люди с удовольствием и с толком эту пшеницу сеяли.

И что же? Удалась и пшеница!

Но Кирову приходилось думать не только о северной пшенице, о Мурманском порте, о хибинских камнях: такие серьезные дела, как Сясьский бумажный комбинат, как опыты с искусственным каучуком и постановка тракторного дела на «Красном путиловце», создание блюминга на Ижорском заводе, а огромной мощности гидростанция на Свири, на Ниве судостроение на ленинградских верфях! Ведь они строят суда и для мурманских рыбаков и для судоходства на Оби. А отправка экспедиций для Северопути! Ведь «Красин» и «Челюскин» снаряжались в Ленинграде.

Да ведь это хозяйство большого государства, и не во всяком государстве оно так разнообразно!

А Киров успевал еще ездить в Москву: ведь он один из секретарей ЦК и член Политбюро ЦК партии.

Киров был близким другом товарища Сталина. Вместе с другими членами Политбюро: с Ворошиловым, Кагановичем, Молотовым, Орджоникидзе, Калининым, Косиором, Куйбышевым, Андреевым — они советуются по всем важнейшим вопросам работы партии и жизни Советской страны. Он был членом Центрального комитета, который руководит партией и рабочим классом.

Так работал Киров.

Предательский выстрел

А зиновьевская оппозиция притаилась в подполье. О ней даже совсем не стало слышно. Все факты были против нее. Сам Зиновьев каялся в своих ошибках и снова грешил, грешил и каялся. Дело его было безнадежно. Не на что было ему надеяться. Партия победила. Его союзника, Троцкого, с позором выгнали из страны как контрреволюционера.

Открыто идти против партии было совсем невозможным делом. Нечего было пробовать. Зиновьев и его сторонники притаились.

Они сделали вид, что раскаялись во всех своих преступлениях против партии, но затаили злобу и ждали удобного случая, чтобы отстоять свое.

Сунуться к рабочим с агитацией против партии никак нельзя было. Рабочие встретили бы зиновьевского агитатора как всякого контрреволюционера. Нет! Этой дорогой нельзя было идти.

Они проиграли, когда шли против партии в открытую, они проиграли, когда вместе с Троцким устраивали подпольные собрания и контрреволюционные демонстрации. Они дошли до последнего предела, до фашистских способов борьбы. Они решили действовать пулей против вождей рабочего класса.

Им ненавистны были все вожди, с которыми партия победила, им ненавистен был вождь мирового пролетариата Сталин. Но с Кировым у них были еще осо-

бые счеты. Это он беспощадно разгромил их в самом Ленинграде. В городе, в котором они надеялись окопаться против партии.

Девять лет они копили свою злобу, они организовали в Москве и Ленинграде контрреволюционные группы. Осторожно, чтобы никто не видел, они ходили к консулу иностранного государства, получали от этого консула деньги на подготовку убийства.

Они надеялись убийством вождей внести замешательство в ряды партии, при помощи иностранных капиталистов достичь своих контрреволюционных целей.

1 декабря в Смольном раздался выстрел. В коридоре Смольного с простреленной головой от руки подлого убийцы, стрелявшего сзади, упал мертвым Сергей Миронович.

Письмо товарищей

На другой день на первых страницах газет в черной рамке было напечатано:

«Нашу партию постигло большое несчастье. 1 декабря от руки злодея-убийцы, подосланного классовыми врагами, погиб товарищ Киров. Не только для нас, его близких друзей и товарищей, но для всех, знавших его по революционной работе, знавших его как бойца, товарища и друга, смерть Кирова является ничем невознаградимой утратой. От руки врага погиб человек, который всю свою яркую жизнь отдал делу рабочего класса, делу коммунизма, делу освобождения человечества.

Товарищ Киров представлял из себя образец большевика, не знавшего страха и трудностей в достижении великой цели, поставленной партией. Его прямота, железная стойкость, его изумительные качества вдохновенного трибуна революции сочетались в нем с той сердечностью и мягкостью в личных товарищеских и дружеских отношениях, с той лучистой теплотой и скромностью, которые присущи настоящему ленинцу.

Товарищ Киров работал в разных частях Союза ССР и во времена подполья и после Октябрьской революции,—в Томске и Астрахани, во Владикавказе и Баку—и всюду он высоко держал знамя партии и завоевывал для дела партии миллионы трудящихся своей неутомимой, энергичной и плодотворной работой революционера.

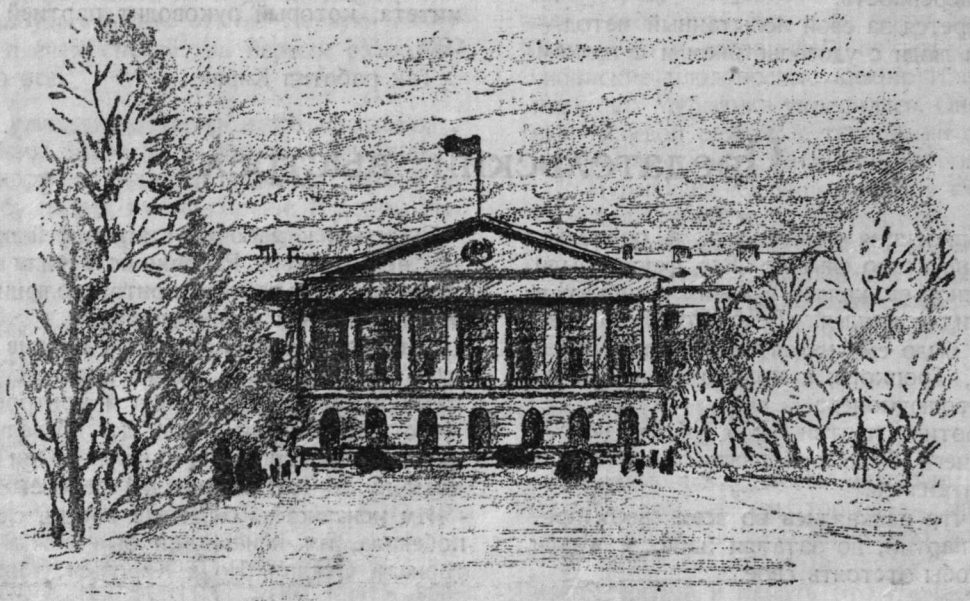
Последние девять лет товарищ Киров руководил организацией нашей партии в городе Ленина и Ленинградской области. В кратком скорбном письме нет возможности дать оценку его деятельности среди трудящихся Ленинграда. Трудно было бы найти в нашей партии более подходящего руководителя для рабочего класса Ленинграда, так умело спаявшего всех партийцев и весь рабочий класс вокруг партии. Он создал во всей ленинградской организации ту атмосферу большевистской организованности, дисциплины, любви и преданности делу революции, коими отличался сам товарищ Киров.

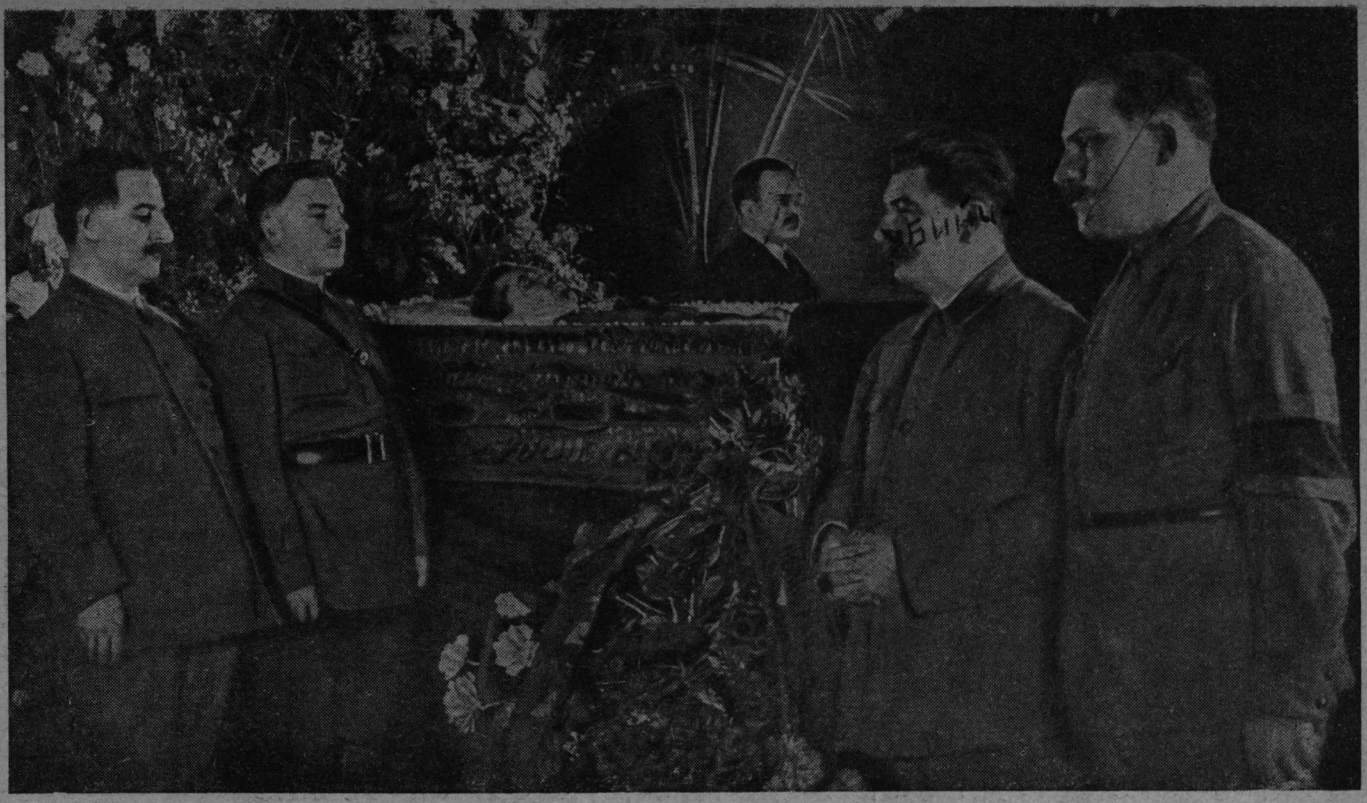
Ты был близок всем нам, товарищ Киров, как верный друг, любимый товарищ, надежный соратник. До последних дней своей жизни и борьбы мы будем вспоминать тебя, дорогой друг, и будем чувствовать горечь нашей утери. Ты был всегда с нами в годы тяжких боев за торжество социализма в нашей стране, ты был с нами всегда в годы колебаний и трудностей внутри нашей партии, ты пережил с нами все трудности последних лет, и мы потеряли тебя в момент, когда наша страна достигла великих побед. Во всей этой борьбе, во всех наших достижениях много твоей доли, много твоей энергии, силы и пламенной любви к делу коммунизма.

Прощай, наш дорогой друг и товарищ Сергей!»

Это письмо написали товарищи Сталин, Орджоникидзе, Молотов, Калинин, Ворошилов, Каганович, Микоян, Жданов, чьим другом и соратником по великой борьбе за коммунизм был Сергей Миронович.

Он погиб за дело партии, но никаким убийцам не удастся сокрушить партию, за которую он отдал свою жизнь.





Товарищи Сталин, Каганович, Молотов, Ворошилов и Орджоникидзе в почетном карауле у гроба С. М. Кирова.

телями, решают подлым убийством вырвать из рядов партии ее лучших бойцов.

Всю жизнь провел в боях на самых боевых партийных постах один из лучших соратников и близких друзей Сталина — Сергей Миронович Киров.

Сергей Миронович Киров—Сережа Костриков—двадцатилетним юношей печатает партийные листовки в организованной им подпольной типографии. Четыре года жили полицейские прямо над ней и не могли ее найти. В 1918 г., переходя под пулями фронты, Киров мирит враждующие кавказские племена и ведет их на белых. В 1920 г. он ведет полки 11-й армии на занятый белыми Кавказ. С 1926 г. Сергей Миронович — вождь ленинградских большевиков. Он беспощадно добивает зиновьевскую антипартийную группу в Ленинграде и, как всегда, ведет рабочих от победы к победе.

И этого человека, бесстрашного вождя, несгибаемого большевика, сразила пуля убийцы, изменника и мерзавца Николаева.

Миллионы рабочих и колхозников провожали убитого врагами вождя. Миллионы рабочих и колхозников поклялись отомстить за Кирова, поклялись добиться окончательной победы социализма, за который он отдал жизнь. Провожая Кирова в последний путь, миллионы людей вспоминали его речь на XVII партийном с'езде.

Киров говорил:

«Чорт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить! На самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт!»

Да, это факт!

И новые города, и оживающие пустыни, и подземные дороги, и воздушные поезда, и гигантские электростанции, и огромные площади посевов без межей.

Мы беспощадно уничтожили негодяев, которые осмелились поднять руку на наших вождей, но мы должны помнить, что классовый враг еще не добит. Чем больше наши победы, тем ближе видит он свою окончательную гибель, тем яростней он сопротивляется. Он меняет кожу, старается нас обмануть, чтобы еще сильней навредить и напортить.

Мы должны разоблачать врага всюду, куда он ни проникнет, какую маску ни наденет.

Быть бдительным везде: на вышке, где стоят дозорные охраны урожая, у машины, у станка, у штурвала корабля, на советской границе — на любом посту, куда поставит нас партия и рабочий класс!

Подлому врагу револьверной пулей удалось убить Кирова, но никаким врагам никакими пулями не удастся свалить партию и остановить рабочий класс на его победном пути к социализму.

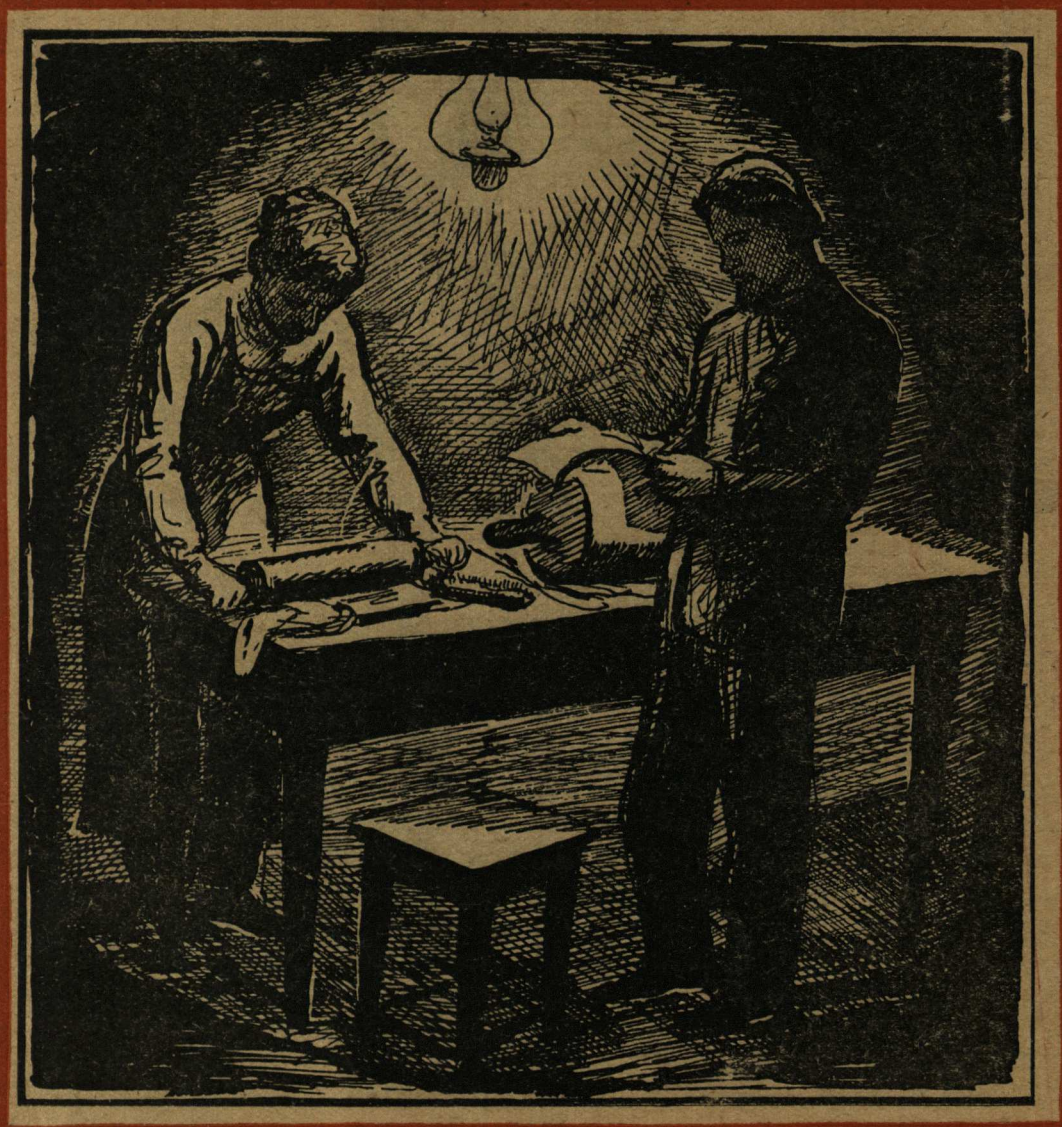
Отв. редактор **Б. ИВАНТЕР** Худ. редактор **М. АСКИНАЗИ** Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Сдано в набор 3/I-35 г., подписано к печати 10/II-35 г. Изд. № 94 Формат 62×94 см. 2 б. л. 135.009 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—1777 Типография газеты „Правда" им. Сталина, Москва, ул. „Правды", 8. Заказ № 33 Тираж 60000.

Цена 30 коп.

М 1238



Этот номер журнала «Пионер» мы целиком посвятили Сергею Мироновичу КИРОВУ.

За короткий срок, прошедший со дня его смерти, не могли быть собраны все материалы о его замечательной жизни и его разнообразной деятельности. Поэтому вполне понятно, что мы не могли дать полную его биографию. Мы попытались, однако, из рассказов его товарищей по подполью, гражданской войне и строительству дать основные эпизоды, которые наиболее ярко показывают Сергея Мироновича как бойца-коммуниста и рабочего вождя.

Номер журнала составлен бригадой писателей в составе: Б. С. Житкова, Б. А. Ивантера, Н. А. Некрасова и Б. А. Шатилова—по рассказам: М. А. Попова, Г. И. Шпилева, Ю. П. Бутягина, Т. М. Резаковой, М. И. Василенко, П. А. Белоусова, И. Н. Опарина, А. А. Андреева, инж. Г. Ф. Чиркина, при участии и проверке правильности отдельных эпизодов тт. Ю. П. Фигатнера, В. Элердова, К. А. Мехоношина, М. П. Орахелашвили.

Рисунки в тексте художника П. Кузмичева. На обложке—рисунок П. Староносова, на этой странице — рисунок М. Родионова.